

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Какие демоны терзают души героев?
Какие призраки прошлого
не дают им заснуть ночью?

amazon.com

HARLEQUIN®

БРЕНДА ДЖОЙС

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Интриги,
убийство,
сумасшествие
и любовь...

Идеальная Невеста

Продано более 14 миллионов экземпляров

Семейство де Уоренн

Бренда Джойс

Идеальная невеста

«Центрполиграф»

2007

Джойс Б.

Идеальная невеста / Б. Джойс — «Центрполиграф»,
2007 — (Семейство де Уоренн)

После смерти нежно любимого отца Бланш Херрингтон, понимая, что не сможет одна справиться с управлением огромного состояния, решила выйти замуж. В свои двадцать семь лет не зная, что такое любовь, и не считая себя способной на подобное чувство, она вознамерилась вступить в брак, выбрав мужа умом, а не сердцем. Но ее подруги рассудили иначе и затеяли интригу, благодаря которой леди Херрингтон угодила в объятия сэра Рекса де Варена, красивого, достойного, даже героического мужчины. Свершилось чудо, она загорелась страстью и провела с ним волшебную ночь! Влюбленные счастливы. Но Бланш вдруг вообразила, что она не достойна сэра Рекса, и, расторгнув помолвку, с разбитым сердцем покидает его замок...

© Джойс Б., 2007

© Центрполиграф, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Бренда Джойс

Идеальная невеста

Глава 1

Март 1822 года

Двести двадцать восемь поклонников! – подумала она. Господи боже, как она сможет разобраться в этой толпе, да еще и сделать выбор?

Бланш Херрингтон стояла возле одного из огромных окон в маленькой гостиной, при-
мыкавшей к просторному залу, куда скоро должна была войти армия гостей. Черные шторы –
знак траура – были сняты только сегодня утром. Бланш восемь лет уклонялась от вступления
в брак, но теперь, когда умер ее отец, она решила, что ей нужен муж. Он поможет ей управлять
большим и сложным состоянием отца.

Однако наплыва гостей она боялась не меньше чем своего будущего.

В гостиную, с театральным эффектом, вбежала ее лучшая подруга.

– Бланш, дорогая, вот ты где! Мы сейчас откроем парадные двери! – возбужденно крик-
нула она.

Бланш взглянула из окна на подъездную аллею.

Ее отец много лет назад получил титул виконта благодаря огромному состоянию, кото-
рое приобрел как владелец фабрик. Уже очень давно никто не считал их нуворишами. Бланш
всегда жила только среди богатства, роскоши и привилегий. Она была одной из богатейших
наследниц империи, но восемь лет назад отец позволил ей расторгнуть помолвку. Он посто-
янно знакомил дочь с возможными кандидатами в мужа, но хотел, чтобы Бланш вышла замуж
по любви. Разумеется, глупо и нелепо было на это надеяться.

Бланш не считала, что браков по любви не бывает. Желание отца она находила нелепым
потому, что считала себя неспособной влюбиться в кого бы то ни было.

Но она выйдет замуж. Ее отец ушел из жизни так быстро, что не успел произнести
предсмертное желание: он внезапно скончался от воспаления легких. Но Бланш знала, что
он больше всего на свете хотел, чтобы она без шума обвенчалась с каким-нибудь достойным
джентльменом.

Красивая подъездная аллея уже вся заполнилась каретами. Их было десятка три. Шесть
месяцев назад около пятисот человек пришли к ней выразить соболезнование по поводу смерти
отца. Бланш сохранила все визитные карточки, двести двадцать восемь из них принадлежали
холостым мужчинам. Подсчитав их, она испугалась, но по-прежнему была настроена реши-
тельно.

Сколько среди этих мужчин порядочных людей, не охотников за приданым? Бланш не
надеялась, что когда-нибудь влюбится, ее целью было найти в этой толпе поклонников прак-
тического, достойного и родовитого мужчину.

– Ох, моя дорогая! Ты хмуришься! – воскликнула Бесс Уэверли, подходя к ней. – Я знаю
тебя лучше, чем ты сама себя. Не забывай, мы дружим с девяти лет! Пожалуйста, не говори
мне, что ты хочешь отослать всех прочь. Я только что объявила, что твой траур закончился.
Зачем соблюдать его еще шесть месяцев? Ты только отсрочишь неизбежное.

Бланш взглянула на свою лучшую подругу Бесс. Они были как ночь и день – полная про-
тивоположность друг другу. Но именно поэтому Бланш так любила Бесс, а та ее. Бесс была
эффектной и страстной, жизнь бурлила в ней. У Бесс был уже второй муж и по меньшей мере
двенадцатый любовник. Бесс не скрывала, что любит все стороны жизни, в том числе – муж-
скую любовь, и в этом не собирается себя ограничивать. Бланш в свои двадцать семь лет была

девственницей и до сих пор считала свою жизнь вполне приятной. Ей нравились прогулки в парке, походы по магазинам, встречи за чайным столом, опера и балы. Бланш совершенно не представляла себе, что значит страстно любить кого-то.

В ее сердце словно не хватало какой-то важной детали: оно билось, но не могло работать в режиме сильных чувств. Солнце для Бланш всегда было желтым и никогда золотым, комедии ее развлекали, но не могли рассмешить, изысканная еда доставляла удовольствие, но не наслаждение. Среди молодых модников были такие, кто казался ей красивым, но ни от чьей красоты у нее не захватывало дух. За всю свою жизнь она ни разу не испытала волнения в крови при виде мужчины.

Бланш уже давно поняла, что ей не дано жить страстями. Уже давно она решила, что восторги любви, радость жизни – все это для других женщин, матери которых не погибали во время уличных беспорядков. Другие женщины не теряли мать в шесть лет.

Это произошло в день выборов, Бланш была рядом с матерью, но теперь ничего не помнила ни о тех событиях, ни о своей жизни до того дня. И что было еще хуже, она совершенно забыла свою мать. Когда Бланш смотрела на ее портрет, она видела очень красивую, но незнакомую даму.

Но где-то очень глубоко в ее сознании продолжали жить жестокие картины прошлого. Они таились там, словно тени.

Со времени тех беспорядков она ни разу не плакала от горя. Горевать ее сердце тоже не было способно. Бланш вполне осознавала, что она не такая, как другие женщины, и считала это своей тайной. Ее отец знал всю правду и знал, почему она такая. Две лучшие подруги уверяли ее, что однажды Бланш станет такой же страстной и безрассудной, как они. Обе они ожидали, что она отчаянно влюбится.

Но Бланш всегда была благоразумной и рассудительной. Она повернулась к Бесс и ответила:

– Нет, я не вижу смысла откладывать неизбежное. Когда отец умер, ему было шестьдесят четыре года, он прожил чудесную жизнь. Сейчас он захотел бы, чтобы я устроила свою жизнь наилучшим образом.

Бесс обняла ее за талию. У этой молодой дамы были русые волосы, глаза необычного зеленого цвета, пышные формы и пухлые губы. По словам Бесс, мужчины обожали ее губы и ласкали их самыми разными способами. Поскольку Бесс любила сплетничать о своих любовниках, Бланш точно знала, что имела в виду ее подруга, но не могла представить себе, что возможно делать такое.

Было время, когда Бланш хотела быть такой, как Бесс, и сожалела, что ей это не дано. Но недавно она поняла, что не собирается меняться. Что бы ни предлагала ей жизнь, она будет спокойно и разумно идти своим путем, и на этом пути не будет драм и мучений и, разумеется, не будет страсти.

– Да, он захотел бы этого. Ты же всю жизнь пряталась от жизни! – уколола ее подруга.

Бланш хотела возразить, но Бесс решительно продолжала:

– Как бы трагично это ни было, Херрингтон умер. И теперь у тебя нет оправдания, чтобы прятаться от жизни, Бланш. Твоего отца больше нет. Если ты по-прежнему будешь скрываться, останешься совсем одна.

Трудно в это поверить, но Бланш почти ничего не почувствовала, когда услышала имя своего отца. В этом оцепенении она жила со дня смерти отца. Ее печаль была ласковой, как легкая волна, и почти не приносила боли. Бланш скучала по отцу. Но разве могло быть иначе? Он был опорой ее жизни с того ужасного дня, когда погибла ее мать.

Если бы только она могла заплакать от горя и обиды!

Бланш мрачно улыбнулась и отошла от окна.

– Я не прячусь, Бесс, – ответила она. – Я достаточно много развлекаюсь.

– Ты прячешься от страсти и удовольствий! – энергично возразила Бесс.

Бланш улыбнулась. Невозможно сосчитать, сколько раз они уже спорили по этому поводу.

– Я по природе не страстная, – тихо и мягко заговорила она. – Отец покинул меня, но, к счастью, у меня есть ты и Фелисия. – По ее губам скользнула легкая улыбка. – Я обожаю вас обоих. Не знаю, что бы я делала без вас.

Бесс закатила глаза.

– Бланш, мы найдем для тебя того, кого ты захочешь обожать, – красивого молодого мужчину. И ты, наконец, сможешь жить собственной жизнью. Только подумай! Больше двухсот поклонников – тебе есть из кого выбирать.

Бланш подумала об этом – и вздрогнула от неуверенности.

– Я очень боюсь этого наплыва гостей, – искренне призналась она. – Кого мне выбрать из них? Мы обе знаем, что им всем нужны только деньги. А отец желал для меня чего-то большего, чем охотник за богатыми невестами.

– Вот как! А по-моему, нет ничего лучше, чем распутный охотник за богатыми невестами, если ему двадцать пять лет и он до неприличия красив. – Бесс усмехнулась. – И если мужской силы в нем еще больше, чем красоты.

– Бесс! – возмутилась Бланш и бросила на подругу сердитый взгляд, но не покраснела: она уже привыкла к таким откровенным замечаниям молодой дамы.

– Моя дорогая, ты будешь счастлива, когда у тебя появится муж – настоящий мужчина. Поверь мне, что это так. Кто знает, может быть, ты вдруг перестанешь быть такой бесстрастной и не будешь относиться с безразличием ко всем радостям жизни.

Бланш снова улыбнулась, покачала головой и ответила:

– Это было бы чудом.

– Хорошая доза страсти действительно может совершить чудо! – заметила Бесс. – Я постараюсь развеселить тебя. Мы с Фелисией поможем тебе выбрать мужа. Если, конечно, не произойдет настоящего чуда, то есть если ты не влюбишься без нашей помощи.

– Мы обе знаем, что этого не будет. Бесс, не смотри так угрюмо! У меня была почти идеальная жизнь. Бог благословил меня стольким дарами.

Бесс покачала головой. Сейчас она была настолько же встревожена и озабочена, насколько была счастлива секунду назад.

– Никогда не говори «никогда»! Хотя ты еще никогда не влюблялась, я продолжаю надеяться. Ох, Бланш, ты не представляешь себе, сколько ты теряешь! Я знаю, ты считаешь, что твоя жизнь до смерти Херрингтона была идеальной, но поверь мне, это не так. Ты замкнута на себе самой. Ты самый одинокий человек из всех, кого я знаю.

Бланш выпрямилась и заявила:

– Бесс, сегодня у меня будет трудный день: такая очередь из поклонников у парадной двери.

– Ты была одинока при жизни Херрингтона и еще более одинока теперь. Мне невыносимо видеть тебя такой, я уверена, что муж и дети избавят тебя от одиночества, – твердо ответила Бесс.

Бланш напряглась еще сильнее. Она хотела сказать, что Бесс ошибается, но Бесс была права. Она делала визиты, и ей наносили визиты, устраивала приемы, бывала на балах, но всегда чувствовала, что она не такая, как другие. По сути дела, она всегда жила отстраненно, строго сохраняя дистанцию со всеми, кроме двух подруг.

– Бесс, я не против того, чтобы жить в одиночестве. – И она говорила правду. – Я знаю, что ты не сможешь этого понять. Но поверь мне, я убеждена, что, выйдя замуж, останусь одинокой – во всяком случае, в душе.

– Когда у тебя появятся дети, ты не будешь одинокой в душе.

– Ребенок – это было бы хорошо, – улыбнулась Бланш. Бесс обожала своих детей, а у нее их было двое, и была прекрасной матерью, несмотря на свои любовные похождения. – Но ты предполагаешь выдать меня за кого-то очень молодого, а я хочу, чтобы это был мужчина средних лет, добрый, с сильным характером и настоящий джентльмен.

– Конечно, ты хочешь мужа постарше, который будет баловать тебя: ты хочешь, чтобы муж заменил тебе отца. – Бесс вздохнула. – Но это неправильно, Бланш. Твой муж должен быть молодым и привлекательным! Но теперь решение принято, и это замечательно. Кстати, могу я сделать выбор из того, что тебя не заинтересует?

Бланш тихо засмеялась: она поняла, что Бесс хочет найти среди ее гостей нового любовника для себя.

– Конечно, – ответила она и отошла прочь от подруги, думая о своих поклонниках. Независимо от ее воли перед ней возник образ мрачного смуглого человека. Один холостой мужчина, который подходит ей в женихи, не побывал у нее с визитом. Более того, он даже не выразил ей соболезнования шесть месяцев назад.

Бланш не хотела додумывать эту мысль до конца. И ей повезло: в этот момент в комнату торопливо вошла ее вторая лучшая подруга, Фелисия, которая недавно вышла замуж уже в третий раз. Предыдущий муж Фелисии был молодым, красивым и очень безрассудным наездником, он погиб, преодолевая крайне опасный барьер.

– Мои дорогие, Джеймисон открывает парадную дверь! – крикнула она и улыбнулась. – Ох, Бланш! Для меня такое счастье видеть, что ты сняла эту унылую черноту. Этот серый цвет с голубоватым оттенком идет тебе гораздо больше.

Бланш услышала гул многих мужских голосов и шум шагов. Сердце словно оборвалось у нее в груди от испуга: орда поклонников явилась в дом.

* * *

Бланш улыбнулась Фелисии в ответ на ее шутку, которую на самом деле не расслышала. Ее окружили сразу шесть молодых джентльменов, и еще пятьдесят один гость был в гостиной. Не осталось ни одного свободного стула. Бланш была знакома почти со всеми своими гостями: она уже много лет была хозяйкой особняка семьи Херрингтон. Но она еще никогда не уставала так сильно, как сегодня, потому что сейчас она была в центре совсем другого внимания, чем раньше. Она не была уверена, что сможет выдержать еще один полный восхищения взгляд или ответить еще на один комплимент.

За последние несколько часов ей уже, наверное, раз сто сообщили, что она хорошо выглядит. Несколько дерзких шалунов даже посмели сказать ей, что она красавица. Бланш, которая была много старше других невест из общества и считала себя старухой среди них, устала притворяться, что верит этим лстивым похвалам. А сколько поклонников пригласили ее на прогулку по парку? К счастью, Бесс тайком шепнула ей, что сама составит расписание ее светских встреч. Дорогая подруга все время была у нее за спиной. Бланш была уверена, что Бесс старательно все записала и у нее нет ни одного свободного дня по меньшей мере до конца года.

Было очень душно. Бланш, обмахивалась рукой, словно веером, вежливо улыбалась молодому щеголю Ральфу Витту, сыну барона, и думала о том, сколько осталось времени до конца дня. Может быть, ей стоит набраться смелости и самой сбежать с праздника?

Но в гостиную вошли новые гости. Среди них Бланш увидела свою дорогую подругу, графиню Эдер, и ее сноху, будущую графиню Лизи де Варен. Следом за ними вошел рослый смуглый мужчина, и Бланш на секунду замерла от удивления.

Ей показалось, что это Рекс де Варен. Он очень редко появлялся в обществе, и ей было интересно, как идут его дела. А кому это не было бы интересно? Но вошел его брат, Тайрел де Варен. Разумеется, Тайрел, будущий граф Эдер, должен сопровождать свою жену.

– Бланш, в чем дело? Что-то не так? – спросила Бесс.

Бланш повернулась к ней, чувствуя, что немного разочарована, и понимая, что это нелепо. Глупо огорчаться из-за того, что сэр Рекс, владелец поместья Лендс-Энд, не нанес ей визит, в конце концов, она почти незнакома с ним. Когда-то, очень недолго, Бланш была помолвлена с его братом Тайрелом и благодаря этому осталась близкой подругой его матери и жены Тайрела. Но за восемь лет, которые прошли с тех пор, она разговаривала с сэром Рексом не больше шести раз. Все знали, что он живет как отшельник – предпочитает свое поместье в Корнуолле высшему свету и редко появляется в обществе. И все же время от времени Бланш встречалась с Рексом у кого-нибудь на балу или на чае. Он был всегда спокоен и вежлив, она тоже.

Бланш подумала: это даже к лучшему, что он не приходил к ней с визитом соболезнования и не появился теперь. Она всегда чувствовала себя неуютно под его мрачным напряженным взглядом.

– Я пойду поздороваюсь с леди Эдер и леди де Варен, – быстро сказала она.

– А я начну намекать гостям, что ты очень устала. На то, чтобы выпроводить всех отсюда, нужно не очень много времени, – пообещала Бесс.

– Я действительно устала, – отозвалась на ее слова Бланш, уже пробираясь сквозь толпу гостей. Она должна была вести себя решительно, чтобы никто не остановил ее по пути. На ее лице расцвела искренняя улыбка.

– Мэри, мне так приятно, что вы пришли!

Мэри де Варен, графиня Эдер, привлекательная блондинка, была в потрясающем наряде и драгоценностях. Подруги пожали друг другу руки и обнялись. Бланш много лет назад расторгла свою помолвку с Тайрелом, чтобы он смог жениться на той, кого полюбил, и легко стала близкой подругой графини.

– Как идут ваши дела, дорогая? – спросила Мэри.

– Прекрасно для моих нынешних обстоятельств, – заверила ее Бланш. – Лизи, как хорошо вы выглядите!

Лицо жены Тайрела в обрамлении каштановых с золотым блеском, как на картинах Тициана, волос сияло от счастья. Ее младшему ребенку было всего год, и это уже четвертое дитя в их семье. Бланш удивлялась, как Лизи удалось произвести такое большое потомство и сохранить красоту.

– Тай и я очень приятно проводим здесь время, – сказала Лизи и крепко сжала в руках ладони Бланш. – Он так редко бывает только со мной. Боже мой, Бланш, прием получился просто изумительный!

Бланш улыбнулась.

– И все они – мои поклонники, – сказала она и повернулась лицом к Тайрелу. Бланш уже не принимала его за брата. Рекс, герой войны, был красивее брата, несмотря на то что редко улыбался. Глаза Тайрела были темно-синими и ласковыми. Взгляд светло-карих глаз Рекса всегда был мрачным и странно тревожил Бланш.

– Спасибо, что пришли, милорд! – поблагодарила она Тайрела, не забыв о должном уважении к его титулу.

Он поклонился и ответил:

– Приятно снова видеть вас, Бланш. Если я чем-нибудь могу вам помочь, дайте мне знать.

Бланш поняла, что Тайрел до сих пор всей душой благодарен ей за то, что она покинула его, чтобы дать ему возможность жениться на Лизи.

Она снова повернулась к женщинам и спросила:

– Долго ли вы пробудете в городе?

Семья Эдер обычно жила в Ирландии, и поэтому Бланш никогда не знала, приехали они или уезжают.

– Мы живем в городе с Нового года и скоро уедем, – с улыбкой ответила Мэри.

– Мне жаль слышать это.

Бланш решила. В конце концов, это будет просто вежливое внимание к семье, верно?

– Капитан де Варен и Аманда сейчас тоже в городе? Как у них дела?

– В городе только мы трое и, конечно, мои четверо детей, – ответила Лизи. – Клиф и Аманда сейчас на островах, но приедут в город позже, до конца весны. Их дела обстоят очень хорошо: они по-прежнему безумно любят друг друга.

Бланш немного помедлила: теперь она думала о сэре Рексе.

– А как поживает семья О'Нил?

– Шон и Элеонора живут в Синклер-Холл, а Девлин и Вирджиния празднуют девятую годовщину своей свадьбы в Париже – без детей.

Бланш улыбнулась. Она чувствовала, что немного нервничает, но теперь будет грубостью не спросить о последнем неназванном де Варене.

– А сэр Рекс? Здоров ли он?

Лизи, продолжая улыбаться, ответила:

– Он в Лендс-Энде.

Мэри добавила:

– В последнее время его видел только Клиф, и то лишь потому, что осенью остановился в Лендс-Энде, когда возвращался с островов. Рекс утверждает, что реконструирует свое имение и поэтому не может уехать. Я не видела его с тех пор, как Клиф вернулся в Лондон с Амандой и объявил ее своей невестой.

Это было полтора года назад. Бланш немного встревожилась и озабоченно спросила:

– Вы, разумеется, верите сэру Рексу? Вы не думаете, что у него какие-то неприятности?

– Конечно, верю. – Мэри вздохнула. – Вы ведь знаете: он делает все, чтобы не бывать в обществе. Но как он найдет себе жену, если заживо похоронит себя на юге Корнуолла? Там вряд ли есть подходящие невесты.

Сердце Бланш как-то странно вздрогнуло в груди, и это ее очень удивило. Еще ни разу не случилось, чтобы новость ее ошеломила, и она не знала, как это бывает.

– Он решил жениться?

Сэр Рекс должен был бы жениться уже давно: он был на два года старше Бланш. И все же она совершенно не ожидала услышать «да».

Мэри немного помедлила и ответила:

– Трудно сказать.

Лизи взяла ее за руку и сказала:

– Понимайте это так: женщины семьи де Варен твердо решили, что он должен иметь свою семью. А для этого необходима жена.

Значит, женщины семьи де Варен сговорились между собой, чтобы женить Рекса. Бланш не могла не улыбнуться. Можно не сомневаться: дни его холостой жизни сочтены. Мэри и Лизи правы: ему надо жениться. Для него плохо, что он живет один.

– Но для этого необходимо, чтобы он покинул Лендс-Энд, – подчеркнула Мэри. – В мае мы с Эдвардом будем праздновать здесь, в городе, двадцать третью годовщину нашей свадьбы. На праздник соберется вся семья, и Рекс тоже приедет.

– Это звучит чудесно. – Бланш улыбнулась. – Поздравляю вас, Мэри.

– У меня столько внуков и внучек, что я уже не могу их сосчитать, – тихо сказала Мэри, и ее глаза сияли. Потом она взяла Бланш за руку и сказала: – Я считаю тебя своей дочерью с тех пор, как ты была помолвлена с Тайрелом. И я очень надеюсь, что и ты однажды почувствуешь радость и счастье, которые переживаю я.

Графиня была одной из самых добрых и великодушных женщин среди всех, кого знала Бланш. Ее обожали и муж, и дети, и внуки. Ее слова были совершенно искренними, но девушке

вдруг стало немного грустно: Бланш подумала, что вряд ли ей выпадет такое счастье, которое выпало на долю Мэри де Варен. Если бы она была способна влюбиться, то уже влюбилась бы. Очень многие мужчины старались разузнать побольше про Херрингтон-Холл. Бланш могла только догадываться, что это такое – быть так искренне и глубоко любимой, самой любить так сильно и жить в окружении большой семьи.

– Я не буду впредь уклоняться от замужества, – медленно сказала она. – Я просто не смогу одна управлять своими поместьями.

Мэри и Лизи переглянулись, и по их взглядам было видно, что они довольны.

– У тебя уже есть кто-то на уме? – не скрывая своего волнения, спросила Лизи.

– Нет, никого, – ответила Бланш. Только сейчас она заметила, что многие гости уже покинули ее гостеприимный дом, и ей сразу стало легче дышать. Она обмахнулась рукой и сказала: – День был такой длинный.

– Это только начало, – ответила Лизи и засмеялась. На мгновение Бланш почувствовала страх. – Вообще-то я отметила несколько интересных кандидатов. Если захочешь посплетничать, дай мне знать об этом. – Лизи снова засмеялась и обратила свой взгляд на Тайрела. Он мгновенно покинул группу гостей, ведущих оживленную беседу, подошел к жене и крепко сжал в руке ее ладонь. Их взгляды на мгновение встретились, и стало ясно: эти двое так близки, что понимают друг друга без слов.

– Ты выглядишь очень усталой, дорогая, да и нам пора домой, – заявила Мэри.

Женщины обнялись и попрощались.

Следующие полчаса Бланш, улыбаясь, провожала гостей, стараясь быть любезной с каждым и к каждому проявлять искренний интерес. Как только все ушли, она рухнула на ближайший стул. Улыбка мгновенно исчезла с ее лица.

– Как я выдержала такое? – вздохнула она.

Бесс, которая устраивалась поудобнее на софе, усмехнулась и ответила:

– Мне показалось, что все было очень хорошо.

Фелисия попросила служанку принести шерри для троих.

– Все прошло очень хорошо. Боже мой, я и забыла, сколько красивых молодых неженатых мужчин в нашем обществе. – И страстная брюнетка улыбнулась.

– Прошло хорошо? У меня голова раскалывается от боли! – воскликнула Бланш и добавила: – Кстати, граф и графиня Эдер в мае будут праздновать двадцать третью годовщину своей свадьбы.

Бесс оживленно заметила:

– И на этом празднике будет Рекс де Варен.

Бланш взглянула на нее и долго не отрывала свой взгляд от глаз подруги. Что Бесс хотела этим сказать?

– Бланш, ты уверена, что хочешь немолодого мужа? – с улыбкой спросила Бесс.

Бланш смутилась.

– Да, вполне уверена, – ответила она. – А почему ты вдруг упомянула сэра Рекса?

– Почему, почему? Я же стояла за твоей спиной, когда ты беседовала о сэре Рексе с его семьей, – поддразнила подругу Бесс.

– Бесс, ты меня озадачила. Я спрашивала обо всех членах семьи. Ты хочешь сказать, что сэр Рекс меня интересует в определенном смысле?

– Я ничего такого не говорила, – насмешливо фыркнула Бесс, а потом добавила: – Перестань, Бланш. Это имя уже не в первый раз возникает сегодня.

– Он друг нашей семьи, и я знакома с ним много лет, – ответила Бланш и пожала плечами. Она по-прежнему была смущена и сбита с толку. – Я просто удивилась, что сэр Рекс не пришел с визитом. Это нарушение правил, в этом есть что-то оскорбительное. Вот и все.

Бесс выпрямилась.

– Тебе хочется, чтобы он ухаживал за тобой?

Бланш в ответ изумленно посмотрела на нее, потом улыбнулась, и улыбка очень скоро перешла в смех.

– Конечно нет. Я хочу, чтобы у меня было спокойное будущее. А сэр Рекс очень мрачный. Все знают, что он всегда хмурится и живет как отшельник. Мы никогда бы не ужились друг с другом. Моя жизнь здесь, в Лондоне, а его жизнь в Корнуолле.

– По правде говоря, я всегда считала его сексуально притягательным, – заметила Бесс и многозначительно улыбнулась.

Бланш побледнела. Она не желала знать, что кроется за этими словами. И только ее подруга могла безнаказанно сделать при ней такое бестактное замечание. Бланш не стала на него отвечать.

– Если я чего-нибудь хочу, то лишь одного – продолжить мою прежнюю жизнь, – отрезала она.

– Конечно. Твоя прежняя жизнь была просто идеальной: ты обожала отца и не интересовалась мужчинами.

Фелисия придвинула ближе оттоманку, потому что им наконец подали шерри.

– Бесс, – заговорила она. – Я пыталась соблазнить его после смерти Хела. Он действительно мужлан, почти грубиян, в нем так мало обаяния. Это самый худший кандидат в мужья для Бланш.

Бланш без колебаний заступилась за сэра Рекса: она ненавидела любые проявления злобы.

– Ты ошибаешься, Фелисия: у него просто замкнутый характер, – мягко возразила она. – Сэр Рекс – джентльмен. Он всегда вел себя со мной как настоящий джентльмен. И возможно – только возможно, – он просто не хотел сближаться с тобой.

Фелисия покраснела.

– Мужчины из семьи де Варен известны тем, что имеют много любовных связей до женитьбы. Может быть, ему не хватает мужской силы, – предположила она.

– То, что ты сказала, ужасно, – возмутилась Бланш.

– Фелисия, о нем говорят, что он предпочитает знатым дамам горничных, что он очень силен и что он умелый любовник, а рана, которую он получил на войне, ему в этом не помеха, – вмешалась Бесс.

Бланш изумленно смотрела на свою подругу и чувствовала, как горят от смущения ее щеки.

– Это сплетни, – сказала она и добавила: – По-моему, совершенно неуместно обсуждать сэра Рекса таким образом.

– А почему его нельзя обсуждать? Мы всегда обсуждаем моих любовников, и гораздо подробнее.

– Это другое дело, – ответила Бланш. Но она понимала, как слабы ее доводы. Она всегда думала о сэре Рексе только как о друге семьи.

– Невозможно поверить, что он спит со служанками. Какая грубость нравов! – снисходительно пробормотала Фелисия.

Бланш изо всех сил пыталась справиться со смущением.

– Это не может быть правдой.

– Я случайно услышала, как две горничные очень откровенно обсуждали его мужские качества. Одна из них проверила эти качества на себе, – усмехнулась Бесс.

Бланш с негодованием воззрилась на подругу:

– Я бы очень хотела, чтобы мы больше не говорили о сэре Рексе.

– Почему ты вдруг стала такой стыдливой? – спросила Бесс.

– Мужчине благородного происхождения стыдно заниматься любовью со служанками. Это предосудительно, – язвительно заявила Фелисия.

– Вот как? А мне очень нравился мой садовник! – весело сообщила Бесс, имея в виду свою давнюю любовную связь.

Бланш уже не знала, что и думать. Она никогда не станет осуждать сэра Рекса. Судить и осуждать других было не в ее натуре. И все же знатым мужчинам действительно не следовало заниматься любовью со служанками. Но время от времени они нарушали это правило. Иметь любовницу допустимо, если эта связь хранится в глубокой тайне. Возможно, у сэра Рекса была любовница. Тут ей в голову стали приходить такие мысли о сэре Рексе, что она вознегодовала на саму себя и уже решительно не хотела больше думать о нем. Как начался этот недопустимый разговор? Считают сэра Рекса сильным и умелым в постели или нет, она совершенно не желала это знать.

– Когда ты в последний раз разговаривала с Рексом де Вареном? – спросила Бесс.

Это была более безопасная тема, и Бланш сразу успокоилась.

– На первом выходе в свет Аманды де Варен, перед тем как она вышла замуж за капитана де Варена.

Бесс беззвучно ахнула:

– Ты хочешь сказать, что тоскуешь по мужчине, которого не видела уже два года?

Бланш вздохнула и улыбнулась:

– Бесс, я не тоскую по нему. И тот прием был полтора года назад. Честно говоря, я уже достаточно наговорила за сегодняшний день. – Она поднялась, чувствуя, как устали ее ноги и ей совершенно нет дела до одного из самых загадочных де Варенов.

Бесс тоже встала, но легко и резво, и сделала новое замечание о предмете их беседы:

– Дорогая, ты осознаешь, что сэр Рекс не записался в ряды твоих поклонников?

– Да, разумеется. – Сказав это, Бланш помедлила и добавила: – Я знаю, о чем ты думаешь. О том, что ему нужны деньги и жена, и поэтому его отсутствие странно. Очевидно, он еще не намерен вступить в брак.

– А сколько ему лет? – спросила Бесс.

– Кажется, тридцать или тридцать пять. Хватит, Бесс. Я вижу, к чему ты клонишь. Не пытайся сосватать меня с сэром Рексом!

– Я причинила тебе боль. Ты в смятении и испуге, а этого с тобой никогда не бывало. Прости меня, Бланш. Это, должно быть, из-за усталости после приема. Я никогда не стану сватать тебя против твоей воли, и ты это знаешь.

Бланш облегченно вздохнула.

– Я это знаю, – ответила она. – Но все-таки начала волноваться: мы обе знаем, какой упрямой ты можешь быть. Бесс, я этого не выдержу! Я совсем без сил после хлопот с приемом, а это только первый день! Вечером я собираюсь отдохнуть, если ты не против.

Бесс обняла ее и ответила:

– Прими горячую ванну, а я распоряжусь, чтобы ужин тебе подали в твою комнату. Увидимся завтра.

– Спасибо, – ответила Бланш, улыбнулась ей, обняла Фелисию и оставила их вдвоем.

Подруги тут же начали шептаться. Бланш поняла, что они говорят о ней, но это уже не имело для нее значения. Они хотели ей лишь самого лучшего, а ее нервы сегодня действительно были на пределе. И кроме того, ей нужно было уйти, чтобы забыть про разговор о сэре Рексе. То, что Бланш слышала о нем, вызывало у нее странное беспокойство.

– Я вижу: ты что-то замышляешь! – заявила Фелисия.

Бесс крепко сжала ее руку и ответила:

– Я думаю, Бланш наконец заинтересовалась мужчиной, хотя сама еще не осознает этого. Бог мой, сколько же времени это продолжается? По-моему, они знакомы уже восемь лет.

Фелисия широко раскрыла рот от изумления.

– Неужели ты думаешь, что ей нравится Рекс де Варен? Он действительно грубый мужлан. И у него очень скверный характер.

– Я внимательно смотрела на Бланш, когда она разговаривала с графиней Эдер. По-моему, наша подруга даже сама не понимает, что интересуется им. Но когда она спросила, выражение ее лица изменилось, она была явно смущена. И вспомни, Фелисия: когда это она огорчалась из-за чего-то? Или возмущалась нашей болтовней? И она оскорблена тем, что он не смог выразить ей соболезнование! А ее никто не может оскорбить.

Фелисия была в ужасе.

– Она может найти мужчину получше! Как она может предпочитать его? Он такой мрачный.

– Он действительно очень хмурый. Но некоторым женщинам нравятся мрачные, задумчивые мужчины. Ты просто обижена потому, что он отказал тебе. Но послушай: если Бланш интересуется сэром Рексом, мы должны чем-то ей помочь.

Фелисия вздохнула и согласилась:

– Если ты права и Бланш интересуется им, то надо ей помочь. Но, боже мой, я надеюсь, что ты ошиблась, – а потом спросила: – Так что ты задумала?

Бесс знаком велела подруге молчать.

– Дай мне подумать! – приказала она и стала ходить по комнате.

– В мае он будет в городе, – подсказала Фелисия.

– Мая слишком долго ждать.

Фелисия молча согласилась с подругой.

Вдруг Бесс повернулась к ней и сказала:

– Ты знаешь поговорку: если пони не идет к телеге, телегу катят к нему.

– Но есть и другая поговорка: насильно коня не заставишь пить, даже если приведешь к корыту.

– Мы едем в Корнуолл, – просто и ясно заявила Бесс.

По мнению Фелисии, ничего не могло быть хуже. Корнуолл где-то на краю земли, и в это время года там ужасно холодно.

– Пожалуйста, не надо. Я только что снова вышла замуж, и мне нравится мой новый муж.

Бесс движением руки показала ей, что разговор окончен.

– Мы будем планировать маленький праздник для дам. Но когда нужно будет ехать на этот праздник, ты заболеешь, а моя дочь почувствует недомогание, ну, например, потянет ногу, когда будет кататься верхом на лошади.

Фелисия широко раскрыла глаза. Бесс улыбнулась и договорила:

– Я думаю, что через неделю Бланш захочется сбежать от толкотни, которая началась вокруг нее. Я даже уверена, что так и будет. И мы, ее самые любимые подруги, убедим ее немного отдохнуть в имении Херрингтона на юге.

– Я не знала, что у Херрингтона было имение в Корнуолле.

– Его не было и нет. По крайней мере, я ничего не знаю о таком имении. Но я помогла Бланш разобраться в большом имуществе, которое досталось ей после отца. И я сделаю несколько интересных добавлений к ее документам. Поэтому в них действительно будет упомянуто маленькое имение в Корнуолле, всего в нескольких милях от Лендс-Энда. Подумай: что она будет делать, когда приедет туда и узнает, что произошла ошибка. Сэр Рекс конечно же не прогонит ее от своих дверей.

Фелисия медленно улыбнулась и сказала:

– Это блестящая мысль. Черт возьми, какая же ты умная!

– Да, чертовски умная. Разве не так?

Глава 2

Рекс размахнулся, ударил молотком по гвоздю, и тот вошел в балку по самую шляпку. Пот заливал ему глаза и стекал по голому торсу. Он ударил снова, и головка гвоздя исчезла глубоко в древесине. Но он знал, что бешеное напряжение тела ничего не изменит.

Прошло уже около десяти лет, а он видел перед собой то место на Пиренейском полуострове так, словно был там сейчас. Слышал выстрелы орудий, стоявших на горном хребте над английскими войсками, звон сабель и крики солдат. Видел дым, который наполнял воздух и закрывал полуденное солнце. Он был без коня и бежал спасать своего друга Тома Маубрея, когда боль обожгла его колено...

В нем вспыхнули ярость и досада. Он не хочет вспоминать войну – теперь и вообще никогда!

Рекс отшвырнул молоток в сторону. Тот отскочил от твердой земли и ударился об опорный столб. Рабочие, помогавшие владельцу поместья строить новый хлев, сделали вид, что заняты своей работой и ничего не заметили.

Каждое новое письмо снова вызывало у него эти проклятые воспоминания. А вместе с ними сильную боль, которую он умело прятал на дне души. Рекс оперся на костыль. Тяжело дыша, он подумал об этих письмах. Хуже всего, что они ему отчаянно необходимы. Говоря по чести, он не мог жалеть ни о том, что спас жизнь Тому Маубрею, ни о том, что короткое время был любовником женщины, которую когда-то так сильно любил.

Рекс вытер пот со лба. Его гнев немного остыл. Прошлое – это только прошлое. Его нужно похоронить. Но он не может игнорировать письма, в которых шла речь о его сыне.

Рекс сдался. Письмо пришло сегодня и дожидалось в кабинете. Рекс получал всего одно такое послание в год и больше не мог оттягивать момент, когда прочтет его. Он быстро прошел через еще не завершенную постройку – будущий родильный хлев и, выйдя оттуда, оказался перед несколькими каменными зданиями. Позади них стояла часовня, построенная в XIV веке. День был типичный для Корнуолла – сияющее синее небо, усеянное облаками, похожими на обрывки хлопковой пряжи, над бесконечной болотистой равниной внизу, пустынной и лишенной деревьев. Но даже отсюда он мельком увидел вдалеке своих овец и коров и на мгновение почувствовал огромное удовольствие от этого зрелища. Ближе к месту, где он стоял сейчас, холмы были расчерчены каменными изгородями, которые он строил своими руками. На одном из пастбищ бегал табунок призовых годовалых жеребят. На другом паслись толстые кобылы-матки, которые скоро должны были ожеребиться. И как всегда, он слышал сзади удары океанских волн, разбиравшихся о скалы. Эти отрывистые гулкие звуки постоянно напоминали ему, кто он и где находится.

Замок Боденик был домом Рекса. Он был построен в конце XVI века на черных отвесных скалах над океаном. Это было простое, аскетичное квадратное здание, у которого уцелела всего одна башня. Сразу после того, как Рекс получил это имение в награду за свою доблесть на войне, он потратил четыре года на восстановление башни, но даже не пытался построить заново вторую, от которой осталось всего несколько камней. Согласно местной легенде, вторую башню разобрали камень за камнем пираты, когда искали сокровище, которое сами же зарыли. Некоторые местные жители уверяли, что это сокровище до сих пор лежит там, где было спрятано.

Во дворе замка росло всего одно дерево – дуб, но на стены взбирались старые стебли плюща и дикой розы.

Рекс быстро вошел в холл, стены которого были обшиты деревом. Здесь было даже холоднее, чем снаружи. Рекс, забывший свою рубашку в строящемся хлеву, поежился и поспешил в башню, весь нижний этаж которой был занят его кабинетом. Ему снова стало страшно.

В кабинете было темно: свет попадал в эту круглую комнату только через два маленьких окна. Рекс подошел к письменному столу, на котором лежали аккуратно сложенные в стопки папки для его бумаг. Каждая папка была снабжена надписью, сделанной четким почерком. Письмо лежало посередине инкрустированной кожей крышки стола. Ему незачем было смотреть ни на марку, ни на обратный адрес: он и так знал, от кого оно. Рекс так легко узнавал почерк этой женщины, что презирал себя за это.

В его груди вспыхнула мучительная боль. Стивену уже девять лет. Письмо опоздало: оно должно было прийти в январе. Но такова Джулия. Она присылает ему отчеты о том, как растет его сын, когда считает это нужным. Она ясно дала ему понять, что, с ее точки зрения, эта обязанность ниже ее достоинства.

Как идут дела у Стивена? Остался он по-прежнему солидным и аккуратным? По-прежнему ли твердо намерен быть лучше всех, чтобы сделать приятное тому, кого считает своим отцом?

По-прежнему ли он любит математику больше, чем классиков литературы? Наняли они наконец учителя фехтования, которого Рекс им рекомендовал?

Горло Рекса так сжалось, что он судорожно вздохнул. Наконец, отложив костыль, он сел на край стола. С легкой дрожью в руке Рекс потянулся за конвертом.

Воспоминания не давали ему покоя. Когда он после долгого лечения в госпитале вернулся домой, все его родные встретили его, и вместе с ними его приветствовали соседи и друзья. Но среди встречающих не было Джулии, его невесты. И в госпиталь она приезжала к нему всего два раза. Он сразу же покинул свою семью и пошел к Джулии. Но ее не оказалось дома. Он обнаружил ее в Клервуде, в родовом гнезде семьи Маубрей, в объятиях Тома.

С того давнего весеннего дня 1813 года он старался не видеть ни Джулию, ни Маубрея. Он твердо решил не замечать эту влюбленную пару, словно они не существуют, – вести себя так, словно он не был любовником Джулии и не рисковал жизнью, чтобы спасти Тома от смерти.

Но светское общество тесно, в нем все постоянно сталкиваются друг с другом. Это похоже на кровосмешение. Примерно через год Рекс услышал, что у супругов Маубрей родился первенец. Мальчик родился в октябре. Рекс не хотел думать об этом, но простой подсчет не оставлял места для сомнений. Он расстался с Джулией сразу после Нового года. Значит, Стивен мог быть его ребенком, даже если Маубрей уже тогда наряду с ним пользовался благосклонностью Джулии. А потом до Рекса дошли сплетни о том, что этот сын – подмененный, приемный или даже рожден Джулией от одного из ее любовников. И отец, и мать мальчика были блондинами, а он смуглый и черноволосый, как самые смуглые ирландцы.

Рекс был потрясен и помчался в Клервуд, чтобы увидеть мальчика. Ему было достаточно всего один раз взглянуть на смуглого малыша, чтобы понять – перед ним маленький де Варен.

Мужчины в семье де Варен рождались похожими либо на одного, либо на другого предка. Волосы у них были или золотистые, или невероятно черные, а глаза обычно имели характерный для де Варенов ярко-синий цвет. Мальчик, которого увидел Рекс, мог бы позировать для портрета его брата Тайрела или его самого в детстве.

Уже давно он и Маубреи заключили соглашение, и вряд ли это был первый такой договор в высшем свете. Супруги Маубрей будут воспитывать Стивена: на этом твердо настояла Джулия, Маубрей в состоянии оставить мальчику такое наследство, которого никогда не смог бы дать Рекс. Он должен отказаться от сына, а супруги за это обязались обеспечить Стивену в будущем богатство и привилегии и раз в год присылать Рексу отчет о жизни мальчика, а также позволяли Рексу изредка навещать его. Но правда должна была остаться тайной: Маубрей не хотел, что бы кто-то знал, что у Джулии был другой мужчина.

Какая ирония судьбы: через десять лет Стивен получит от Маубрея гораздо больше, чем крупное наследство. Старший брат Тома погиб во время кораблекрушения, и, когда скончался Клервуд-отец, Том стал герцогом. И что еще важнее, в семье не было других детей: Том явно

был не способен произвести на свет собственного ребенка. Стивен Маубрей однажды станет герцогом Клервудом, одним из богатейших лордов и первых людей королевства.

Рекс сделал так, как было лучше для его сына: в этом нельзя было сомневаться. Но боль от разлуки с сыном навсегда поселилась в его сердце.

Он распечатал письмо. Стивен, как всегда, отлично учился по всем предметам и прекрасно выполнял все, за что брался. По чтению он был на два уровня выше ровесников, по математике, которая осталась его любимым предметом, изучал то, что полагалось проходить позже. Мальчик бегло говорил по-французски, по-немецки и на латыни. Он начал учиться танцам и уже так хорошо владел саблей, что его учитель намеревался включить его в число участников турнира среди его ровесников. В верховой езде Стивен делал такие же впечатляющие успехи, на день рождения получил в подарок чистокровную лошадь и уже легко преодолевал на ней четырехфутовые заграждения. Недавно Маубрей впервые взял его на охоту на лис.

Как только Рекс начал читать письмо, буквы стали расплываться у него перед глазами. Оставалось прочесть еще один короткий абзац, но он уже ничего не видел. Листок задрожал, и на нем появились влажные пятна. Рекс положил лист на стол и перестал сдерживаться. Слезы полились потоком, и он не мог их остановить.

Он так устал притворяться, что Стивен не его сын. Он ненавидел эти письма и хотел, чтобы его сын был с ним. Хотел сам учить его прыгать через барьеры и повести его охотиться на лис. Но разве он мог это сделать? Так, как сейчас, лучше. Он не хотел, чтобы Стивен был изгнан в Лендс-Энд, как был изгнан он сам.

Рекс постарался овладеть собой. О боже, если бы он мог увидеть Стивена. Но он ни разу не навещил мальчика. Рекс знал, что, если он хочет соблюдать соглашение, должен держаться как можно дальше от Стивена. Он был не в состоянии встретиться с мальчиком как посторонний: он был уверен, что после этого его душа разорвется от боли. Он бы, вероятно, дошел до того, что стал курить опиум в каком-нибудь притоне. Богу известно, что он и так уже слишком много пьет. Или он встретился бы с мальчиком и изменил его отношение к жизни. Насколько это было бы эгоистично?

Рекс мог бы напомнить себе, что однажды Стивен узнает правду, но это не принесло бы ему утешения. Пройдет не один десяток лет, прежде чем Рекс сможет хотя бы подойти к Стивену и сказать ему правду о том, кто его отец, – если только Маубрей не умрет молодым. Рекс презирал Маубрея, но не настолько, чтобы желать ему безвременной смерти.

Рекс взглянул на темные каменные стены, которые окружали его тесным кольцом, и ему показалось, что он похоронен в Боденике заживо. Он потратил столько сил на то, чтобы превратить эти развалины в доходное имение, но Лендс-Энд стал для него местом заточения с той минуты, как он понял, что должен отречься от своего сына. Не важно, что он отправился в изгнание по собственной воле. В тот день, когда он получал это ежегодное письмо, он чувствовал, как безнадежна его жизнь. В этот день ему не хватало воздуха, и жизнь давила на него, как тяжелый груз.

Рекс схватил свой костыль, размахнулся изо всех сил и ударил им по столу. Лампа упала на пол и разбилась, аккуратно рассортированные бумаги разлетелись по всей комнате. Потом он оперся о стол, чтобы сохранить равновесие, и обрушил костыль на вещи, которые уцелели от первого удара. Стакан, графин и остальные бумаги слетели на пол.

Рекс тяжело дышал. Закрыв глаза, он постарался овладеть собой. Этот день окончится; такие дни всегда кончались. Завтра он осмотрит жеребых кобыл, вернется к работе над новым хлевом и начнет наполнять водой пруд, который он велел выкопать в саду за башней. Его тело продолжало дрожать, дыхание оставалось частым и глубоким. Сердце словно сдавили клещи, и грудь болела так, будто горе и отчаяние рвали ее когтями.

Рекс посмотрел на графин, тот не разбился. Рекс наклонился и поднял его: это было возможно благодаря пружинам, при необходимости уменьшавшим длину костыля. Рекс уже давно научился использовать свою опору всеми возможными способами. Костыль был сделан по специальному заказу и снабжен пружинами и шарнирами. Рекс уже не помнил о его существовании: костыль стал как бы продолжением его тела, превратился в его правую ногу.

Четвертая часть виски, которое было в графине, уцелела, и Рекс выпил его одним глотком.

В комнату вбежала горничная Анна. Ей хватило одного взгляда, чтобы увидеть весь устроенный Рексом беспорядок. Глаза Анны широко раскрылись, и она вскрикнула:

– Милорд!

Рекс допил виски, поставил пустой графин на стол и медленно окинул девушку взглядом. Есть лучший способ забыться, чем виски.

Анна уже стояла на коленях и подбирала с пола бумаги. Это была двадцатилетняя довольно красивая девушка с пышными формами, очень пылкая в постели. На службу к Рексу она поступила два месяца назад и, нанимаясь, ясно дала понять, что хотела бы делать для него гораздо больше, чем убирать дом и стирать одежду. Рекс не хотел отказываться от удовольствий женской любви: он не мог жить без секса. И ему тогда уже надоела связь с овдовевшей дочерью местного трактирщика. Поэтому он сразу же нанял Анну. Первое указание, которое она выполнила на новой работе, было лечь к нему в постель. Они получили тогда огромное удовольствие и продолжали получать его до сих пор. Рекс не был ее первым любовником и не будет последним. За дополнительные услуги он платил ей дополнительным продовольствием для ее семьи – крестьян-арендаторов из соседнего прихода, которые едва сводили концы с концами. Жалование у нее тоже было не маленькое.

Однако в последнее время Рекс видел, как Анна кокетничает с деревенским кузнецом – красивым парнем, ее ровесником, недавно приехавшим в Ланхадрон. Он чувствовал, к чему идет дело, и был не против: Анна заслуживала того, чтобы иметь свой дом и семью. Он даже решил, что, как только найдет себе новую служанку – и новую любовницу, ускорит свадьбу этой пары и сделает им дорогой подарок.

Но пока Анна еще не жена молодого кузнеца, а удовольствие позволит ему убежать от прошлого. И сейчас он хотел убежать в ее тело.

– Анна, хватит убирать. Сделаешь это потом, – сказал он.

Она вздрогнула, взглянула вверх и широко раскрыла глаза.

– Милорд, вы же бережете свои бумаги, как моя мама – моих маленьких сестер. Я знаю, какие это важные бумаги.

Рекс почувствовал, как та часть его тела, которая находится у мужчин в штанах, напряглась и уперлась в скрывавшую ее шерстяную ткань. Этого он как раз и хотел.

– Иди сюда, – позвал он очень тихо.

Анна поняла его. Она замерла неподвижно, потом медленно встала и положила собранные бумаги на стол. Взгляды господина и служанки скрестились. На полных щеках девушки вспыхнул румянец. Она улыбнулась и почти шепотом спросила:

– Милорд, разве я не угодила вам ночью?

Брюки натянулись еще туже. Он улыбнулся ей в ответ, потянулся вперед и взял ее за руку.

– Угодила, и даже очень. Но ночь уже прошла, верно?

– Вы самый разгульный лорд, – шепнула Анна, когда он притянул ее к себе.

– Ты против? – спросил он. Его левая ладонь скользнула по ее спине сверху вниз и ухватилась за округлую ягодицу. Он крепко прижал девушку к себе, продолжая надежно и прочно опираться на костыль.

– Как я могу быть против? Вы же так благородно себя ведете.

Ему было приятно это услышать. Он всегда старался нравиться женщинам в постели, иначе телесная близость не приносила ему удовлетворения. Кроме того, для него было очевидно, что он должен чем-то компенсировать свое увечье. Ни одна женщина не думала о его искалеченной ноге после того, как получала от него удовольствие.

– Вы хотите подняться в свою комнату? – шепотом спросила Анна, нагибаясь и поглаживая через брюки ту самую, уже набухшую, часть его тела.

У него перехватило дыхание.

– Нет. Я хочу взять тебя прямо здесь, сейчас, на моей софе.

Он повернул ее вокруг себя, повалил на софу, сам лег сверху, своими бедрами широко раздвинул ее ноги и потом нажал на ее женский орган. Она всхлипнула, положила свои ладони на его голую влажную грудь. Ее взгляд потускнел, она жадно глотнула воздух, и ее ладони скользнули ниже, до пояса – к завязке его брюк. А потом она очень решительно провела кончиками пальцев длинную линию по возбужденной части его тела.

Он застонал, забираясь под ее юбки. Самое лучшее в похотливой горничной – то, что в ней нет ни капли жеманства и притворства. Какой она выглядит, такая она и есть. Анна хочет иметь секс и удовольствие и еду на столе для своей семьи. Она хочет именно того, что он ей предлагает, и немного лишних денег в придачу. Больше ничего. Она не может его обмануть. И сейчас Анна вполне готова к любви.

Он стал ласкать пальцами ее влажную горячую плоть, пока у нее на глазах не выступили слезы и она шепотом не попросила его поторопиться. И продолжал это занятие, пока она не стала извиваться, предвкушая высший момент наслаждения. Потом он наклонился, поработал языком и, торжествуя, увидел, что для нее наступил этот момент.

Задышавшись от волнения, она начала умело расстегивать пуговицы его штанов. Он удовлетворенно улыбнулся и больше не двигался, позволяя ей делать так, как она хотела. Его собственный источник наслаждения мгновенно оказался у нее в руке. Она наклонилась и стала жадно ловить этот источник губами.

Рекс откинул голову назад. Он был доволен: теперь он не чувствовал ничего, кроме наслаждения.

«Почему я не поторопилась? Надо было доехать до Корнуолла раньше», – подумала Бланш и выглянула из окна кареты на суровые пустынные болота, которые вызывали у нее какую-то почтительную робость. Казалось, эта почти бесцветная равнина, где не было ни одного дерева, тянулась до края вселенной. И над этой равниной дул ледяной ветер: высунув голову из окна, Бланш очень скоро почувствовала, что нос у нее совсем замерз. Но небо было ярко-синее, и по нему плыли белые облака. А солнце светило сильно и ярко.

Она укрылась внутри кареты и подумала о том, что ее сердце стало биться быстрее с той минуты, как карета свернула с главной дороги на ту, которая, судя по надписи на указателе, вела к поместью Лендс-Энд и замку Боденик.

Бланш наклонилась, чувствуя на себе взгляд горничной, сидевшей на противоположной скамье, и подняла шторку на другом окне, впустив в карету больше морозного воздуха. За этим окном был виден океан. Он был ярко-синего цвета и сиял, как сапфир, сливаясь вдаль с вечным небом, которое было еще больше, чем он, и принадлежало Богу. Взглянув вдаль, Бланш разглядела кусок береговой линии – и у нее захватило дыхание от красоты этого вида. Черные утесы высоко возносились над берегом, а у их подножия белые волны разбивались о почти белую землю, усеянную огромными черными валунами.

– Миледи, здесь т-так х-холодно, – стуча зубами, пожаловалась горничная.

– Извини, Мег, – ответила Бланш и закрыла окно. Сама она едва дышала от восторга. Неужели это приключение так ее волнует? Кажется, да!

Мег движением головы показала на второе, по-прежнему открытое окно. Бланш собиралась закрыть и его, но увидела за окном вересковую пустошь и на ней – пасущихся овец и коров. Значит, они уже близко. Бланш с нетерпением ждала приезда в Лендс-Энд. Это, вероятно, из-за того, что она слишком долго не выезжала из города, решила она.

Бланш еще не побывала в поместье своего отца, которое называлось Пентвейт. Она решила, что подруги правы, ей действительно нужно сбежать от толпы ее поклонников и провести конец недели в Корнуолле. Идеальное место, потому что она еще ни разу не была на юге Англии, Бланш сразу же решила, что использует эту возможность и заедет к сэру Рексу. Сэр Рекс не интересует ее в том смысле, который подразумевала Бесс. Это предположение – нелепость. Дело только в правилах приличия. Заехать к нему будет вежливо, а проехать мимо – значит нанести обиду. Конечно, было бы правильнее проехать сразу в Пентвейт, поселиться там и уже потом заехать с визитом в Лендс-Энд. Но решение отдохнуть на юге было принято так внезапно, что у них не было возможности сообщить управляющему Пентвейта о ее приезде. По правде говоря, они даже не знали в точности, кто там управляющий. Юристы, которые вели дела Бланш, только недавно обнаружили, что это поместье принадлежит ей: свидетельство о праве на него застряло между ящиками шкафа и, возможно, пролежало так много лет. Поэтому Бесс решила, что они должны отправиться прямо в Лендс-Энд, переночевать там и лишь потом поселиться в соседнем владении Бланш.

Приехать в Лендс-Энд и попросить, чтобы сэр Рекс приютил их на одну ночь, было бы вполне логичным. Но Бланш путешествовала в сопровождении только своей горничной Мег – по сути дела, одна. Фелисия в последний момент заболела, но Бланш знала, что подруга притворяется, потому что не хочет расставаться с лордом Дэгвудом. Но у Бесс дочка сильно ушибла спину. Бесс, разумеется, захотела вернуться домой, и Бланш убедила себя, что не против отдохнуть одна.

Она действительно была не против такого отдыха. Одиночество ошеломило ее, но, как ни странно, оказалось приятным. Все дни ее жизни ее окружали друзья и гости. А если Бланш не принимала гостей и не была в гостях сама, она была полностью занята своими обязанностями благотворительницы, которые тоже предполагали встречи и собрания.

Они ехали сюда из Лондона целых два дня. С каждым днем деревень становилось все меньше, а расстояния между деревнями все больше. Каждый день они видели в дороге все меньше путников и меньше имений. Сегодня они за весь день не встретили ни одной кареты. А последнюю деревню они проехали несколько часов назад.

Уединение – это великолепно и приносит огромное облегчение, подумала Бланш. Дело было не только в том, что она устала от тяжелой обязанности каждый день принимать у себя множество холостых джентльменов и решать, за кого из них она выйдет замуж, – здесь нет встреч с агентами, которые помогают ей разобраться в сложных переплетениях дел ее отца. Здесь никто не приходит с визитом к ней, и она не должна ни к кому идти с визитом. В эти короткие дни отдыха у нее нет никаких обязанностей, и это в самом деле очень приятно. Она испытывала удивительное чувство свободы.

Бланш уже давно жадно вглядывалась в каждую подробность сельского пейзажа и теперь начала предполагать, что все неверно представляют себе поместье сэра Рекса. Прошел уже час с тех пор, как ее карета повернула туда, куда показывали указатели с надписями «Лендс-Энд» и «Боденик». И дорога, по которой она ехала теперь, была в очень хорошем состоянии – за ней ухаживали намного лучше, чем за главной магистралью. На вересковых пустошах повсюду паслось множество коров и овец. В отличие от большинства скота, который она видела до этого, они были ухоженными и сытыми.

Около нее беспокойно заворочалась на скамье ее горничная.

– Что случилось, Мег?

– Здесь так холодно, миледи. И так некрасиво, – ответила Мег и поморщилась.

Бланш покачала головой и ответила:

– День действительно прохладный. Но как ты можешь говорить, что эти пустоши некрасивы? В их суровом безлюдье есть своя красота – и сила тоже. А океан ты видела, Мег? Вот действительно творение Самого Бога.

Мег посмотрела на свою госпожу как на сумасшедшую.

Вдали стали видны несколько построек, а холмы, среди которых они проезжали теперь, были расчерчены изгородями. Бланш сделала глубокий вдох: она внезапно увидела замок с одной башней. Его задняя стена была обращена к горизонту, где океан незаметно сливался с небом.

Подъезжая ближе, она выглянула из окна кареты, чтобы рассмотреть замок, и поняла, что Лендс-Энд, в сущности, не усадьба. Несколько очень высоких деревьев росли по краям дороги, отмечая въезд во двор, а на фоне темных стен замка выделялся одинокий дуб. Табун великолепных лошадей в испуге поскакал прочь, заметив ее карету. Многие из них – крупные животные пестрой масти – мчались рядом с каретой галопом. Бланш, восхищенная их бегом, выпрямилась на сиденье, любуясь ими. Кони заржали и исчезли за подъемом дороги.

Когда карета подъехала ближе, Бланш одним взглядом охватила сразу весь двор. На стенах замка вились кусты диких роз и виноградные лозы, и было заметно, что за этими растениями ухаживают. Бланш не была сильна в истории, но даже ей было ясно, что этому замку много сотен лет. Однако он был в идеальном состоянии – во всяком случае, внешне. Она увидела довольно много каменных зданий и еще одну, только начатую, постройку, которая, как она предположила, будет конюшней. Между постройками она разглядела несколько аккуратно поставленных в ряд карет, а затем услышала удары молотков. Возле башни росли несколько умело обрезанных кустов. Все было поразительно чистым, аккуратным и ухоженным.

Лендс-Энд вовсе не выглядел таким обедневшим, как говорили. Бланш подумала, что хозяйство здесь ведется безупречно. Странно, но это было ей приятно. Графине незачем волноваться: ее сын явно занимается своим имением и не имеет времени ни для поездок в город, ни для осуществления свадебных планов своей семьи.

Ее карета остановилась вблизи от парадной двери Боденика. Бланш вдруг потеряла уверенность и замерла на месте. Она не сообщила о своем приезде, а сэр Рекс явно любит уединение. Но все-таки он друг семьи, а теперь, очевидно, еще и сосед. Сэр Рекс ни за что не прогонит ее. И все же Бланш вдруг пожалела, что не отложила поездку всего на один день. Тогда она могла бы сообщить ему о своем приезде. Незачем было слушать Бесс.

В первый раз за всю неделю она подумала о том, что сэр Рекс не смог выразить ей соболезнование по поводу смерти отца. И честно призналась себе, что эта невежливость чем-то раздражала ее. Так же ее раздражало и то, что он не появился у нее как поклонник. С другой стороны, она знала, что он не охотится за приданым, хотя в его обстоятельствах это было бы вполне понятно. Вероятно, сэру Рексу даже на ум не приходило посмотреть на нее как на возможную жену.

Бланш было неловко от этих мыслей. Она считала, что он едва ли может быть для нее подходящим кандидатом в мужья, тем более мужем. Поэтому нет никакого смысла в том, что ее немного огорчает его отсутствие среди поклонников. Она известна в свете как радушная хозяйка, а сэр Рекс – как затворник. Значит, у них большая разница в характерах. Бланш больше не хотела думать об этом. Но вот что странно: ей вдруг захотелось, чтобы Бесс была с ней. Ей вдруг стало неловко и тревожно оттого, что она заехала сюда так запросто.

И все-таки сэр Рекс всегда вел себя как безупречный джентльмен, когда они случайно встречались. Невозможно представить, что он не захочет принять ее в своем поместье.

Бланш улыбнулась и вышла из кареты.

– Пожалуйста, не занимайся пока лошадьми, – предупредила она лакея. – Подожди, пока я найду возможность попросить сэра Рекса приютить нас на ночь. – И обернулась к горничной: – Мег, пожалуйста, побудь здесь, возле кареты, пока мы не узнаем, дома ли сэр Рекс.

Мег кивнула.

Бланш направилась к парадному входу. Только теперь она обратила внимание на монотонный гул, доносившийся снизу. Это было эхо океанских волн, которые обрушивались на берег под замком. Она постучала в дверь и, дожидаясь ответа, взглянула на плети роз, взбившиеся на стену. Она была права: розы действительно были дикие. Но у сэра Рекса явно был садовник, который ухаживал за ними. Интересно, когда здесь в последний раз была оттепель и когда зацветут эти розы?

Она снова постучала. Ей стало немного не по себе, она стояла здесь уже целых пять минут.

– Миледи! Может быть, никого нет дома! – крикнула ей Мег со своего места у кареты.

Бланш постучала в третий раз, думая о том, что ее горничная, возможно, права. Ей самой было не слишком холодно, но Мег промерзла до костей. Если дома никого нет, они войдут внутрь и подождут, пока Кларенс напоит лошадей, сэр Рекс, конечно, не возразил бы против этого.

Она постучала опять, и очень решительно. Но никто не ответил, и она сдалась. Ее горничная была права: в доме никого нет. А Мег уже стучала зубами от холода. До деревни было несколько часов пути, а время уже позднее. Бланш считала, что сэр Рекс, конечно, не будет против, если они дождутся его во дворе и даже разведут костер. Но теперь она не была в этом уверена. Почему, когда она стучала, ей не ответил никто из слуг?

Бланш проверила, не отперта ли дверь, и дверь открылась, предоставляя ей доступ в скромный по размеру передний холл. Бланш вошла внутрь и осмотрелась. К ее большому облегчению, в очаге из серого камня горел огонь. Очаг был таким же странным и своеобразным, как замок. А огонь означал, что в доме, несомненно, кто-то есть.

– Есть кто-то дома? – громким голосом спросила она. Но ответа не последовало.

Она снова огляделась вокруг. Стены были недавно побелены, мебель скромная, но идеально подходила для этого помещения, и обивка на ней была новая. Мест для сидения было только два, из них одно перед очагом. Благодаря этому холл выглядел весьма просторным. На полу было только два восточных коврика, но они были высокого качества. Эта комната показалась Бланш приятной. А потом девушка увидела сабли и огнестрельное оружие, развешанные на одной из стен.

Она решила выйти из дома и сказать Мег, чтобы та пошла к работникам сэра Рекса и спросила, где он сейчас. Но неожиданно ее охватило такое любопытство, что вместо этого она подошла к оружию. Бланш была уверена, что оно принадлежит сэру Рексу и он пользовался им во время последней войны.

Она с любопытством разглядывала коллекцию. Две шпаги были парадными: их рукояти были украшены золотой филигранью, а ножны – золотом и серебром. Она долго смотрела на длинную саблю, у которой была простая удобная рукоять, обтянутая темной кожей, и на более короткий клинок, который выглядел угрожающе. Этим оружием хозяин дома сражался на войне, подумала Бланш, и эта мысль была ей неприятна. Она взглянула на длинный карабин, приклад которого потускнел от частого использования, и на более короткий пистолет. Она представила, как руки сэра Рекса сжимали приклады этих оружий и рукояти клинков. Бланш тряхнула головой и отошла от коллекции: вид оружия смущал и тревожил ее. Но война стала трагедией не только для сэра Рекса, но и для очень многих.

Раздался очень мощный глухой удар. За ним последовали другие такие же удары.

Бланш удивилась. Этот шум раздавался из-за соседней двери, которая, как предположила Бланш, вела в башенную комнату. Значит, в доме все же кто-то есть. И если это так, что же там происходит?

Она уставилась на запертую дверь, немного помедлила и нерешительно спросила через весь холл:

– Сэр Рекс?

Затем кашлянула, чтобы прочистить горло, и подошла ближе:

– Сэр Рекс? Здравствуйте! Есть здесь кто-нибудь?

Удары стали чаще. И девушке показалось, что она услышала мужской голос, но без слов. Возможно, мужчина стонал от боли.

Бланш в тревоге бросилась к двери. Но в тот момент, когда добежала до порога, она снова услышала тот же мужской вопль и вдруг поняла, что происходит.

Мужчина рычал от наслаждения. Бланш застыла на месте. Удары продолжались. Теперь они были быстрыми и яростными.

О господи! – потрясенно подумала она, догадавшись, что в комнате кто-то занимается сексом.

За свою жизнь Бланш множество раз была на балах и еще больше раз на сельских пикниках в конце недели. Она отлично знала, что в светском обществе влюбленные тайно встречаются за закрытыми дверями, в углах коридоров и лабиринтов. И много раз проходила мимо обнимающихся пар, притворяясь, что ничего не заметила. Но самое большее, что она видела, – страстные поцелуи.

Мужчина в комнате, кто бы он ни был, со своей женщиной явно зашел в любви гораздо дальше поцелуев. Сердце Бланш неприятно шевельнулось в груди, подсказывая, что ей надо уходить отсюда, и сейчас же.

Наверное, в башенной комнате не сэр Рекс, а кто-то другой. Бланш приложила ладони к лицу и почувствовала, какими горячими вдруг стали ее щеки. Кто, кроме него, может там быть?

Он предпочитает горничных... его считают сильным и умелым любовником.

Она знала, что должна сейчас же уйти: то, что происходит за дверью, – очень личное дело. Но ее ноги не могли сдвинуться с места. Теперь темп ударов ускорился с пугающей быстротой. В уме Бланш мелькали расплывчатые образы лежащей любовной пары – тела мужчины и женщины переплелись, мужчина лежит лицом вниз.

Бланш осознала, что стоит на расстоянии вытянутой руки от двери и жадно прислушивается к звукам, раздающимся из соседней комнаты. И рассердилась на себя за то, что оказалась способна на такое. Там действительно сэр Рекс? Он в самом деле такой умелый любовник?

В ее уме начал возникать туманный образ обнаженного сэра Рекса, который держит в объятиях женщину. Теперь подала голос женщина, она всхлипнула от наслаждения.

Ум Бланш словно застыл от холода, а сердце подпрыгнуло в груди. В паническом страхе она хотела повернуться и уйти, но споткнулась, налетела на дверь, и та открылась.

Бланш застыла на месте. Сэр Рекс яростно занимался сексом с темноволосой женщиной на софе. Бланш краем глаза увидела его гладкую смуглую спину и плечи, его волевой профиль, путаницу юбок – и тихо ахнула. На хозяине дома были только брюки. Он был сложен как средневековый рыцарь – огромные плечи, выпуклые мышцы рук и крепкие мускулистые ягодицы, очертания которых угадывались под брюками. Его крепкие бедра ритмично вздрагивали. Правая нога, ампутированная ниже колена во время войны, была почти не видна. Но левая нога стояла на полу, скрывая от глаз девушки то, что ей не следовало видеть.

Она не могла отвернуться и беспомощно смотрела на него, не отрываясь, ее сердце при этом испуганно трепетало у нее в груди. Он был словно черный ангел – темные мокрые волосы,

густые темные ресницы над высокими скулами, прямой, но не идеальной формы нос, ноздри которого раздувались. Как он был красив!

Бланш сказала себе, что она ведет себя возмутительно и увидела слишком много. Ей никак не удавалось заставить себя сдвинуться с места, ноги не подчинялись ее разуму. Она никогда не видела у мужчины такого искаженного напряжением лица, как сейчас у сэра Рекса. Теперь его движения были резкими и быстрыми, и, несмотря на свою неопытность, Бланш поняла, что происходит. Его лицо изменилось и теперь отражало восторг. Он жадно вдохнул воздуха.

И такой же жадный шумный вдох сделала Бланш.

Каким-то образом она поняла, что он слышал ее. Внезапно он медленно повернул к ней голову, и она увидела темные глаза, слепо смотревшие на нее.

Бланш поняла, что допустила самую большую из всех возможных оплошностей.

– Извините! – крикнула она в полной панике и попятилась назад.

В этот момент взгляд Рекса изменился, он стал сознательным, и Бланш увидела, как в нем вспыхнула искра узнавания. А потом их взгляды встретились.

Его глаза широко раскрылись.

Она мгновенно повернулась и убежала.

Глава 3

Рекс сидел на софе. Он был ошеломлен. Бланш Херрингтон, которой он восхищался, как никакой другой женщиной, вошла сюда и застала его с Анной!

Он тяжело дышал и молился Богу, чтобы это был просто кошмарный сон. Чтобы, проснувшись, он понял, что Бланш Херрингтон не застала его с любовницей.

– Кто это был, милорд? – шепотом спросила Анна.

О господи! Это не ужасный сон. Бланш Херрингтон действительно застала его в постели с его горничной! Рекс закрыл лицо руками от унижения и стыда.

Одну долгую минуту он чувствовал только полнейший ужас и величайшее смущение. Он плохо знал Бланш Херрингтон, хотя она когда-то и была помолвлена с Тайрелом. После их первой встречи восемь лет назад он сталкивался с ней в обществе всего раз пять или шесть. Но он восхищался этой девушкой с первой встречи, ее изящество, элегантность и любезность были поистине необыкновенными. Он подумал тогда, что его брат – сумасшедший и слепой, если не интересуется ею. В те несколько раз, когда Рексу довелось разговаривать с ней, он был предельно любезен, корректен и вежлив, как и подобает безупречному джентльмену. О боже, как он теперь покажется ей на глаза? И что, в конце концов, она делает в Лендс-Энде?

– Это ваша будущая невеста?

Этот вопрос напомнил ему, что рядом с ним сидит Анна. Он медленно опустил руки, чувствуя, что его лицо горит от стыда. Анна привела в порядок свою одежду, но ее коса расплелась и волосы были растрепаны, словно она только что вылезла из мужской постели. Так оно и было, и постель была его собственная.

– Нет! – резко ответил он.

Анна была бледна и очень расстроена. Она явно догадалась по его виду, что произошло что-то ужасное.

– Простите меня, милорд, – начала она.

– Тебе не за что извиняться. Это мне не хватило ума и хороших манер, – ответил Рекс. Теперь он чувствовал презрение к себе. О чем он думал? Как ему пришлось на ум заниматься любовью среди дня в кабинете? Ах да, он хотел забыть про Стивена. Ну, этого он точно добился. Хуже этот день быть не мог. Как он теперь встретится с леди Херрингтон? Рекс не мог представить себе более неловкого положения. Он не мог даже и подумать о такой встрече и больше всего на свете хотел ее избежать. Лучше провалиться сквозь землю. Может быть, ему повезет, и он действительно исчезнет с этой земли.

Анна успела встать с софы и теперь подбирала с пола рассыпанные бумаги. Рекс видел ее движения, но плохо осознавал, что она делает. Он думал о том, что никогда не оправится от этой катастрофы. Он всегда вел себя с этой леди как безупречный джентльмен, надеясь заслужить ее уважение. И вот вместо уважения заработал ее величайшее осуждение. В мае он обязан быть в городе. И он не так глуп, чтобы верить, что к тому времени она забудет про его любовное похождение.

Но почему она оказалась в Лендс-Энде? И есть ли у него хоть какой-то способ оправдать свое поведение, объяснить его, чтобы оно не казалось ей слишком мерзким? Сгорая от стыда, Рекс потянулся за костылем и встал. Оказавшись на ногах, он мгновенно увидел на своем дворе большую черную карету Херрингтонов – и не поверил своим глазам.

Она в Боденике! Он не мог вздохнуть от изумления.

Рекс быстро подошел к окну и увидел внизу ее. Она стояла рядом со своими кучером и горничной спиной к окну и, кажется, разговаривала с ними. Рекс пригляделся внимательнее. Ее осанка по-прежнему была безупречной, но плечи подняты выше, чем обычно. Она держалась неестественно прямо. Бланш огорчена и страдает. Так и должно быть после того, что случилось.

Ему очень хотелось спрятаться и не выходить, пока она не уедет, но он подавил это желание. Этот бой он проиграл, еще не начав: если Бланш выедет со двора и будет по-прежнему ждать его в карете перед воротами, ему поневоле придется выйти к ней, поздороваться и спросить, что привело ее так далеко на юг. Он был очень удивлен, что она не села сразу же в карету и не велела гнать лошадей подальше отсюда. Значит, по какой бы причине она ни появилась в Лендс-Энде, это важная причина.

Рекс выругался: у него нет никакой возможности ускользнуть от Бланш. Придется извиняться, и этого нельзя избежать. Есть лишь одна причина отказать от извинения: в таком случае, как этот, оно только увеличит неловкость, а его унизит. Но не извиниться будет еще хуже. И черт возьми, не существует изящного способа выразить свое сожаление по такому поводу.

Он хотел бы, чтобы на ее месте оказался кто угодно другой. Лучше было бы обидеть кого угодно, только не Бланш Херрингтон.

Он опустил взгляд и увидел свою голую грудь.

– Анна, пожалуйста, найди мне рубашку и сюртук – и быстро.

Долго ли Бланш стояла на пороге его кабинета и сколько она увидела? – подумал Рекс и тут же мысленно выругал себя. Бланш Херрингтон – не развратная дама, которая любит подсматривать, как другие занимаются любовью. Она не могла простоять там больше, чем одно мгновение. К несчастью, она выбрала для этого именно то мгновение, когда он был на пике наслаждения. Его лицо горело как огонь.

Анна положила бумаги на стол и выбежала из кабинета, чтобы выполнить приказ своего хозяина.

Рекс продолжал смотреть из окна. Он решил, что не должен раздумывать о том, что увидела Бланш. Не должен раздумывать о своем позоре. Он должен придумать извинение, которое сможет хотя бы как-то смягчить впечатление, но ничего не мог придумать.

Внезапно Бланш повернулась и посмотрела на дом. Рекс отскочил от окна и сообразил, что теперь он прячется за занавесками, чтобы Бланш его не увидела. Он мрачно подумал, что начал с разврата и кончает трусостью, а ни то ни другое не в его натуре. Черт возьми, из этой ситуации невозможно выпутаться. После того, что случилось сегодня, она никогда не будет считать его джентльменом. Он может много лет заглаживать свою вину и стараться стать для нее прежним. Но никакие его слова и поступки не изгладят из ее памяти то, что произошло.

Анна вернулась и принесла красивую прогулочную рубашку с гофрированным воротником и строгую, но элегантную темно-синюю куртку.

– Это подойдет? – хмуро спросила она.

– Да. Спасибо. Пожалуйста, помоги мне одеться.

Рекс мог бы одеться и самостоятельно, поскольку умел отлично сохранять равновесие с помощью костыля, не держась за него. Но с помощью служанки он оденется быстрее. Помогая ему надеть рубашку, Анна прошептала:

– Сэр Рекс, она очень благородная леди?

– Да, очень благородная. Почему ты это спросила?

– Вы очень озабочены.

Он движением плеч поправил на себе куртку.

– Я был знаком с леди Херрингтон много лет подряд. В высшем обществе есть дамы, которым было бы все равно, если бы они увидели такое. Но, к несчастью, леди Херрингтон не такая. Она очень строгого нрава.

У него больше не было времени. Рекс быстро вышел из кабинета, прошел через холл, чувствуя себя так, словно шел на смерть. Парадная дверь была открыта. Его сердце забилося часто и неровно, сходя с крыльца и делая последние шаги по двору к карете, он чувствовал, что не просто покраснел, а побагровел.

Она снова повернулась к дому спиной, а лицом к своей карете.

Он сделал глубокий вдох и быстро подошел к своей гостье и окликнул ее по имени:

– Леди Херрингтон!

По телу Бланш пробежала тревожная дрожь, и она повернулась к Рексу. Она улыбалась, но щеки у нее были такие же красные, как лента в волосах у Анны.

– Сэр Рекс, как приятно снова видеть вас! – ответила она на одном дыхании. – Добрый день, сэр. Мы с вами так давно не встречались!

У него закружилась голова, словно крепкий кулак с размаху ударил его в грудь. Глаза Бланш, зеленовато-голубые, с резко приподнятыми вверх внешними уголками, всегда были очень красивы. И фигура у нее чудесная: он уже успел забыть, какая Бланш маленькая и изящная. Но он никогда еще не видел эту девушку такой – дрожащей и покрасневшей от испуга и смущения. Ему понадобилось время, чтобы прийти в себя и заговорить.

– Какой сюрприз! Ваш приезд для меня – полная неожиданность, – резко сказал он.

– Я еду в Пентвейт, – ответила Бланш.

По тону этих слов и по тому, что она больше не смотрела на Рекса, было видно, насколько ей не по себе.

– Но, зная, что ваш дом так близко, я решила сначала заглянуть к вам.

Пентвейт? Рекс растерялся. Он никогда не бывал там, но знал, что владелец этого имения живет в Лондоне и Пентвейт лежит почти в развалинах. Зачем ей ехать в Пентвейт?

Бланш посмотрела на него, и улыбка постепенно сошла с ее лица.

Рекс стоял неподвижно и глядел в ее огромные широко раскрытые глаза. Они отражали целый вихрь самых разных чувств, но Рекс не мог определить ни одного из них. Бланш Херрингтон всегда выглядела как ангел: ее улыбка была искренней, доброй и спокойной, ее любезность – неизменной и непоколебимой. Но сейчас он видел другую, почти незнакомую Бланш. Перед ним была элегантная женщина с сильным характером. И она очень страдает по его вине – из-за того, что он похотливо развратничал у нее на глазах. Возможно, другим женщинам такое зрелище могло бы даже понравиться, но не ей.

– Я должен принести вам свои извинения, кажется, я обидел вас, – с трудом произнес Рекс. Он искренне ненавидел себя в эту минуту.

– Вы меня ничем не обидели! – твердо ответила она, но он заметил, что ее голос слегка дрожит. – Сегодня чудесная погода, и мне бы следовало проехать прямо в Пентвейт, а уже оттуда прислать вам свою визитную карточку. Тогда я дала бы вам знать, что собираюсь приехать. Это я должна извиниться за то, что создаю вам неудобства, сэр Рекс. Но мы промерзли до костей. У двери нам никто не ответил, и тогда мы понадеялись, что сможем согреться в вашем холле. – Она вздохнула и договорила: – У вас чудесный дом, сэр, просто чудесный.

Ему было невыносимо видеть, что она так смущена. Хуже того – *она* извиняется перед *ним*. Сколько достоинства в этой женщине!

– Вы никогда не сможете причинить мне неудобство, – ответил он твердо. – Вам не нужно извиняться. Конечно, вы должны были войти внутрь и обогреться у огня.

Его ум заработал с головокружительной скоростью. Может быть, ему подыграть гостье и сделать вид, будто он не видел, что она застала его в постели с Анной? «Так будет легче и мне, и ей», – мрачно подумал Рекс. Пока Бланш не уедет своей дорогой, они могут вести легкий светский разговор – ту ничего не значащую болтовню, которую он всегда презирал.

Но от этой мысли сердце словно качнулось у него в груди: ему стало еще страшнее. За много лет он и Бланш разговаривали не больше пяти или шести раз, и их беседы были короткими. И вдруг она оказалась в Корнуолле, у него дома. Он пришел в отчаяние. Он никогда не хотел, чтобы Бланш увидела его таким, каким он является на самом деле. Теперь ему было нужно получить от нее прощение. Но возможно ли это? И все же Рекс не мог позволить Бланш уехать, пока она не узнает, как искренне он сожалеет о своем развратном поведении.

Он вздохнул и произнес:

– Леди Херрингтон, примите мои глубочайшие искренние извинения...

Бланш прервала его – такая невежливость была для нее необычной.

– Это я виновата: я заехала к вам так внезапно! – почти крикнула она.

Не веря ее словам и чувствуя, что краснеет, Рекс продолжил:

– Пожалуйста, примите мои извинения... за то, что я не увидел вашу карету у крыльца... и не смог приветствовать вас должным образом.

Улыбка, дрожавшая на губах Бланш, исчезла, и девушка пристально посмотрела на Рекса. Он ответил ей таким же пристальным взглядом. Пусть и намеком, но он смог выразить свое огромное сожаление. Бланш поняла его, но ни за что не признается в этом открыто. Он ждал ее ответа с отчаянием.

Она странно улыбнулась и сказала:

– В таком случае я должна принять ваши извинения! Однако я вижу, что сейчас вы не готовы ни к чьему обществу. Все дело в том, что я слишком привыкла к свету – или, во всяком случае, к моему кругу светских знакомых. А мы заходим друг к другу без предупреждения и не посылаем визитных карточек. У нас такой тесный круг друзей! – Она засмеялась. Такого вымученного смеха Рекс еще никогда не слышал. – Я просто забыла, что в деревне другие обычаи, – закончила она.

Рекс не мог понять, насколько сильно Бланш его осуждает. Единственным облегчением для него было то, что она сейчас любезна с ним. Бланш ведет себя великодушно, но ведь она такая по своей натуре. Она не станет смотреть на человека холодно или насмехаться над ним. Вернуться домой и сплетничать о нем тоже не в ее характере. В этом у него не было ни малейшего сомнения. Из размышления его вывел голос Бланш.

– В Корнуолле так холодно! – Девушка вздрогнула, но улыбнулась. – Мы сейчас продолжим путь. Но Кларенсу надо напоить лошадей. Вы не против этого?

Рекс глубоко вздохнул, чувствуя облегчение оттого, что разговор ушел в сторону от прежней ужасной темы.

– Конечно, вы можете напоить лошадей, – ответил он.

Затем он позвал своих конюхов и велел им помочь ее слугам. Отдавая приказ, он чувствовал на себе взгляд Бланш. Его тревога усилилась невероятно. Неискренний обмен любезными извинениями не ослабит неловкость. Бланш, конечно, презирает его. Ему казалось, что он сейчас умрет: так пронзительно он ощущал всю иронию своего положения.

Когда лошадей увели на конюшню, Рекс вернулся к своей гостье. Она молча стояла рядом со своей горничной. Перед тем как Бланш обернулась к нему, он успел заметить, что вид у нее очень хмурый и во всей фигуре чувствуется напряжение. Только теперь он увидел, что кончик ее носа покраснел от холода.

Глядя на нее, Рекс снова глубоко вздохнул. Кажется, им удалось выйти из труднейшего положения, по крайней мере внешне. Каким-то образом они смогли усмирить волны, хотя под гладкой поверхностью и скрываются грозные подводные течения. Их отношения остались настолько хорошими, что они разговаривают друг с другом. Но что делать дальше? Он по-прежнему ужасно смущен. И она явно чувствует растерянность. Он не имеет права пригласить ее отдохнуть в его доме. Но она замерзла, и настоящий джентльмен должен сделать именно это. Рекс опасался, что Бланш не примет его приглашение. Он знал, что заслуживает этого, но боялся отказа. Но что, если она заболит из-за того, что он не в состоянии справиться с ситуацией?

Рекс никогда даже не мечтал, что Бланш чудесным образом появится в Лендс-Энде. Он не видел ее около двух лет. Ему не понадобилось вспоминать, когда и где он видел Бланш в последний раз. Он и так знал, что это было на балу, когда его невестка впервые появилась в свете. И сейчас она уедет.

Дело было не только в смущении. И не только в страхе, что она простудится. Он не хотел, чтобы она уехала. Пусть подождет, пусть еще побудет здесь.

Солнце, которое до сих пор было бледно-желтым, как янтарь, вспыхнуло золотым светом.

«Я дурак», – мрачно подумал он. На самом деле он хочет приятно провести время с Бланш как со своей гостьей. Но разве это возможно? Какое глупое желание!

Рекс не успел додумать эту мысль. Неожиданно для самого себя он решил рискнуть и очень осторожно произнес:

– Леди Херрингтон, уже скоро вечер, а вы, кажется, утомились. Могу я предложить вам немного отдохнуть здесь и выпить горячего чая? Это было бы большей честью для меня.

Бланш медленно повернулась к нему. На ее лице не было улыбки. Она неуверенно помолчала и, наконец, ответила:

– Дорога из Лондона была долгой. Мне не очень холодно, но Мег, моя бедная горничная, совсем окоченела. Она мерзнет весь день. Если я не покажусь вам навязчивой, я бы выпила чашку чаю и она тоже.

Ее широко раскрытые глаза ласково взглянули на него. «Как много неуверенности в этом взгляде», – подумал Рекс.

– Что бы вы ни сделали, это не может быть навязчиво, – ответил он. Тон этих слов был грубоват, но каждое из них было правдой. – Пожалуйста, входите! – Он рукой указал ей на свое жилище.

Бланш направилась в дом в сопровождении шагнувшего рядом Рекса и по пути крикнула горничной, чтобы та следовала за ними. Анна встретила их в холле.

Рекс покраснел. Он был вне себя от ужаса и смущения, но другой его служанки сейчас не было в замке. Стараясь не смотреть на Бланш, он распорядился:

– Анна, будь добра, подай чай на двоих и сэндвичи. И пожалуйста, проводи горничную леди Херрингтон на кухню: напои ее чаем, пусть она отдохнет и согреется.

Анна кивнула и вышла из комнаты вместе с Мег.

Рекс заметил, что Бланш пристально посмотрела вслед Анне. Ему незачем было глядеть в хрустальный шар: смысл этого взгляда был ясен и без гадания. Бланш пыталась понять, какие у него отношения с этой горничной, и, может быть, вспоминала то, что недавно видела. Бланш поняла, что он заметил, как она смотрит вслед Анне, покраснела и резко перевела взгляд на окно.

– Я не представляла себе, что побережье здесь такое красивое.

– Если вы захотите прогуляться по берегу, будьте осторожны: приливы здесь стремительные.

Она пристально посмотрела на него, он ответил ей таким же пристальным взглядом.

– Я обязательно буду помнить об этом, – ответила она.

Совершенно ясно: они никогда не преодолеют смущение, возникшее из-за недавнего происшествия. Во всяком случае, это невозможно, пока Анна находится рядом и служит напоминанием о его слишком требовательных и несвоевременных мужских потребностях.

Но если Бланш считала, что Рекс достоин осуждения, то никак этого не показывала. Рекс решил, что, если Бланш теперь презирает его, она выпьет свой чай и уедет так скоро, как позволяют правила вежливости. Длительность ее визита вполне сможет служить показателем ее чувств.

– Самое лучшее время для прогулки по берегу – за час или два до полудня.

Бланш искренне улыбнулась ему и ответила:

– Я обязательно пройду по берегу перед возвращением в город.

Рекс насторожился. Девушка, кажется, наконец овладела собой, и это его удивляло. Теперь, когда Анна больше не была у нее перед глазами, гостья внимательно оглядела комнату и повернулась к нему. Когда она заговорила, Рекс сразу почувствовал, что ее слова искренни.

– У вас чудесный дом, сэр Рекс.

Он подвел Бланш к одному из кресел и усадил ее. Его дом был скромным, но Рекс знал, что Бланш сказала правду. Он был уверен в этом.

– Я много лет приводил в порядок не только замок, но и все имение. Я нахожу это достаточно приятным занятием. Спасибо за ваши слова.

– Я не ожидала, что обнаружу здесь замок, – сказала Бланш.

Их взгляды встретились и тут же разлетелись в разные стороны, словно партнеры в танце.

Его сердце тоже начало какой-то странный танец.

– Я тоже не ожидал этого, когда получил в награду Лендс-Энд и свой титул.

Бланш подняла на него внимательный взгляд. Рекс не мог дышать от волнения. Ужасное замешательство из-за происшествия, свидетельницей которого она случайно стала, исчезло.

Это невероятно. Это сон наяву. Бланш Херрингтон сидит рядом с ним в его большом холле. Ее присутствие осветило эту комнату так, как никогда не освещало солнце. Его сестра и жены его братьев уже давно докучали ему разговорами о том, что он слишком долго остается холостяком. Он не дурак и отлично знает, что они твердо решили его женить.

Рекс хмуро подумал, что никогда не найдет такую женщину, как эта, а на меньшее он не согласен. Даже не зная ее близко, он чувствовал, что она по самой своей сути – настоящая леди и потому не способна ни предать, ни обмануть. Прежний горький опыт не позволял ему доверять дамам, которые желали близких отношений с ним, но каким-то необъяснимым образом он чувствовал, что Бланш Херрингтон заслуживает полного доверия.

Но Бланш, конечно, не для него. Когда-нибудь она унаследует большое состояние и найдет себе мужа с очень громким титулом. А ему уже тридцать пять лет, он всего лишь рыцарь и трудится как мужик на земле, которой ни один нормальный джентльмен никогда бы не захотел владеть.

Он все еще не мог поверить, что Бланш не смотрит на него снисходительно.

Рекс откашлялся, чтобы прочистить горло, и спросил:

– Могу ли я узнать, что заставило вас ехать в Пентвейт?

Бланш расправила свои бледно-серые шелковые юбки. В ее движениях было врожденное изящество, а цвет одежды хорошо сочетался с цветом ее глаз и волос.

– Я решила сбежать от своих поклонников, – лукаво ответила она и добавила: – Вы знакомы с леди Уэверли? Она считает, что Пентвейт – владение моего отца.

Рекс изумленно уставился на свою гостью. Его ум заработал с бешеной скоростью. Все знали, что Бланш Херрингтон не желает выходить замуж. Но он был убежден, что однажды ее намерения изменятся. И очевидно, он оказался прав.

– Какое отношение Пентвейт имеет к Херрингтону?

Она удивленно моргнула и объяснила:

– Я совсем недавно узнала, что Пентвейт принадлежит семье Херрингтон. Боюсь, что отец держал меня в полном неведении относительно своих дел. А теперь я, разумеется, должна в них разобраться.

Этот ответ озадачил Рекса.

– Мне всегда казалось, что Пентвейт принадлежит какому-то джентльмену, который так любит город, что позволяет своему имению лежать в развалинах. Я даже не уверен, что там есть арендаторы.

Бланш выпрямила спину и ответила:

– Вы, должно быть, ошибаетесь. Пентвейт принадлежал моему отцу. Мои адвокаты недавно нашли купчую на это имение.

– Вы сказали «принадлежал» – в прошедшем времени. Почему?

Ее глаза широко раскрылись от удивления.

– А вы разве не знаете?

Этот вопрос не понравился Рексу.

– Чего я не знаю, леди Херрингтон?

Она медлила. Их взгляды скрестились, и она произнесла:

– Мой отец скончался.

Он был ошеломлен.

– Я не имел представления о том, что он умер! – воскликнул Рекс. Он вспомнил, какая душевная близость была у Бланш с ее отцом и как сильно эти двое любили друг друга. И его сердце сжалось от боли за Бланш. – О че... Леди Херрингтон, я ничего не слышал о его смерти. Мне так жаль!

Ему невыносимо хотелось коснуться ее, может быть, даже взять за руку. Но он знал, что не должен этого делать.

Бланш продолжала пристально смотреть на него. Ее глаза были сухими, и она полностью владела собой.

– Спасибо. Отец умер шесть месяцев назад – быстро, от воспаления легких. Я только что сняла траур.

Рекс наконец сел на стул напротив Бланш. Он никак не мог поверить, что она так спокойна. Отец был центром ее жизни. Неужели она выплакала все слезы и полностью справилась с горем всего за шесть месяцев? Он сомневался, что это так.

Он всегда восхищался этой девушкой. Но, несмотря на всю силу этого восхищения, спрашивал себя, что могло бы вывести Бланш из ее, по-видимому, непоколебимого хладнокровия. Он всегда подозревал, что под ее внешним безупречным спокойствием скрывается страстная натура. Иногда он даже пытался представить себе, какой она может быть в постели.

Но если Бланш по-прежнему горюет об отце, она ни за что не покажет этого при свидетеле. Судя по тому, что он о ней знает, Бланш позволяет себе плакать только ночью. И она имеет на это полное право. И он нарушил ее спокойствие нескромным происшествием. Но она быстро овладела собой.

Рекс почувствовал, что теперь восхищается этой девушкой еще больше, чем прежде. В этом была горькая ирония: он почти не сомневался, что от ее уважения к нему, если оно было, остался только пепел.

– Мне так жаль, что я не знал о смерти вашего отца. Я бы сразу же приехал в Лондон и лично выразил бы вам свое соболезнование.

Бланш улыбнулась ему и немного помолчала.

– Я даже не заметила, что вы не прислали мне соболезнование, – ответила она и посмотрела мимо него в окно.

Вошла Анна с серебряным подносом, на котором стояли фарфоровый чайник, две чашки с блюдцами, тарелка с сэндвичами, и поставила все это на маленький столик рядом с Бланш. Рекс сказал, что сам разольет чай по чашкам. В зеленовато-голубых глазах Бланш мелькнуло удивление.

– Сэр Рекс, позвольте мне это сделать, – попросила она.

Его мышцы напряглись.

– Я налью сам! – настоял он на своем.

Рекс понял: Бланш предложила это потому, что у него только одна нога. Он презирал жалость и поэтому умело и быстро налил чай сначала гостю, а затем себе.

Снова усевшись на стул с чашкой в руках, Рекс заметил, что солнце уже заходит. Небо за окнами Боденика было темно-красным, и болота уже начали погружаться в темноту. Он вдруг почувствовал тревогу за Бланш.

– Леди Херрингтон, до Пентвейта ехать целый час. И честно говоря, я думаю, что дела этого имения в беспорядке. Но если это и не так, я уверен, что вы не найдете там достойный ночлег.

Если он предложит Бланш остаться здесь на ночь, согласится ли она?

Бланш поставила на стол чашку и блюдо взглянула Рексу прямо в глаза и ответила:

– Вряд ли у меня есть выбор.

Сердце словно перевернулось у него в груди.

Как он мог не предложить ей ночлег? Но она бы отказалась: она теперь должна его презирать. Однако, хотя джентльмены не спят со своими служанками, он все же считал себя джентльменом. Или, во всяком случае, был воспитан как джентльмен.

– У меня есть решение, но я не знаю, заинтересует ли оно вас.

– Я вас внимательно слушаю, – тихо и мягко произнесла Бланш, и на ее лице, наконец, появилась та ангельская улыбка, которую он часто вспоминал, когда ему случалось мечтать.

Рекс немного помедлил, затем решился и заговорил, стараясь, чтобы его голос звучал легко и непринужденно:

– Как вы видели, я живу в Боденике почти по-спартански. Но у меня есть несколько комнат для гостей. И одну из них графиня обставила для себя. Если вы желаете, на эту ночь она ваша.

Глаза Бланш широко раскрылись.

Он провел языком по пересохшим губам.

– Разумеется, в том крыле дома, где живет прислуга, найдется комната для вашей горничной и место для кучера и лакеев.

Бланш снова улыбнулась:

– Спасибо. Я буду рада провести ночь здесь, сэр Рекс.

Бланш не сводила глаз с красивой горничной, пока та ставила кувшин с водой около ее кровати. Комната была очень приятно обставлена и окрашена в уютные золотистые, зеленые и бежевые тона. В ногах постели стоял маленький диванчик, обитый золотистой парчой. Он был повернут в сторону сложенного из камней камина. Покрывала на кровати были темно-зеленые, а на полу лежали два золотистых персидских коврика с цветочным орнаментом. Одну из стен украшал шкаф из вишневого дерева, а другую – секретер. Еще здесь был один стул с обивкой из темно-зеленого плюша. Графиня, обставляя эту комнату, явно постаралась сделать ее теплой и уютной.

Сэр Рекс стоял в холле, но у самого порога комнаты и потому очень близко к Бланш, и она остро чувствовала его присутствие рядом. Он кашлянул, прочищая горло, и спросил:

– Надеюсь, эта комната вам подходит?

После своего скандального открытия Бланш сумела сделать невозможное – почти овладела собой. Для нее всегда было очень важно сохранять самообладание и здравый смысл. Но сейчас она впервые поняла, что ее власть над собой стала хрупкой и может исчезнуть в одно мгновение. Она чувствовала, что может изо всех сил вцепиться в эту хрупкую опору или погрузиться в смятение, как в огромное бездонное море. Чтобы удержаться, она ни в коем случае не должна вспоминать о случае с горничной. Она не должна думать о неумеренной страстности сэра Рекса.

Бланш нашла в себе силы улыбнуться и повернулась к хозяину дома:

– Комната чудесная. Она просто идеально подходит мне. Я не нахожу слов, чтобы поблагодарить вас.

– Для меня удовольствие слышать это. Ужин подадут в семь часов, но если вам что-нибудь понадобится, просто пришлите горничную, – сказал он и поклонился.

Бланш улыбнулась. Она почувствовала облегчение, когда Рекс повернулся к ней спиной и быстро ушел в холл: ей было слишком трудно выносить его присутствие рядом. Мег стояла в холле, широко раскрыв глаза от удивления, а Анна проскользнула мимо них обеих и побежала вслед за своим господином... и любовником.

Бланш вдруг повалилась на кушетку. Говорят, он очень силен и он умелый любовник. Все ее самообладание исчезло.

– Открой, пожалуйста, окно, – с трудом попросила она горничную.

Очень обеспокоенная Мег – это было видно по ее лицу – бросилась исполнять просьбу госпожи.

– Миледи, вы не заболели? Вы так странно вели себя!

Бланш плотно сжала веки и перестала притворяться.

Перед ее глазами было только одно – сэр Рекс, невероятно мужественный, до ужаса прекрасный, гора блестящей влажной плоти, лежит, вытянувшись, на этой женщине. Сколько мускулов, сколько силы и сколько страсти! – мелькнула у нее безумная мысль.

Бланш открыла глаза, постаралась остудить свои щеки ладонями и попыталась спокойно дышать. Она кружилась в водовороте смятения.

Мег, теперь уже сильно испуганная, подала ей стакан воды.

Бланш приняла его и пила воду мелкими глотками, пока ее сознание не отыскивало несколько обломков разбитого самообладания. Она каким-то образом должна забыть то, что видела. Она никогда больше не должна думать о том, каким был сэр Рекс в минуту страсти.

– Пожалуйста, найди мне веер, – прошептала она.

Если она не сотрет из памяти тот случай, как она сможет обедать с сэром Рексом в семь часов?

В ее уме возник образ сэра Рекса – мрачный и, несомненно, прекрасный. И Бланш смягчилась: как ни смущена она была, она разглядела в его глазах покорность и смирение. Она почувствовала сострадание к этому человеку.

Какой мужчина может уединиться на краю мира и редко приезжать в город? Какой мужчина станет заниматься любовью с горничной в середине дня? Почему он предпочитает служанок знатным дамам? Конечно, для всего этого есть правдоподобное объяснение, ведь сэр Рекс не груб и не низок душой. И самое важное: почему он в свои годы не женат?

– У вас жар? – взволнованно спросила Мег.

Невозможно понять, почему он до сих пор холост.

Бланш отдала стакан горничной. Она ненавидела сплетни, потому что обычно в их основе был злой умысел. Но теперь она хотела лучше понять хозяина дома, где гостила. А для этого ей нужна была собеседница, которой можно довериться.

– Я скажу тебе, почему я так огорчена, если ты поклянешься мне, что никому не расскажешь о том, что я видела.

Мег кивнула. Она была явно удивлена тем, что ее госпожа желает говорить с ней на таких условиях.

– Я случайно увидела сэра Рекса с этой его горничной, и в очень нескромный момент.

Мег выразила свое понимание почти беззвучным «ах!».

– Как ты думаешь, сэр Рекс влюблен в нее?

Не успев договорить, Бланш уже подумала, что любовные дела сэра Рекса ее не касаются. Но мысль о том, что такая любовь возможна, огорчала ее.

Мег пристально взглянула на нее и ответила:

– Не знаю, миледи.

Бланш задумчиво встала на ноги и отошла от нее.

– Мег! Сэр Рекс – герой войны и джентльмен. Я знакома с ним уже много лет. Он один из самых любезных и вежливых мужчин, которых я знаю, и мне все равно, что говорят о нем сплетники. Но он ведет себя необычно.

Мег прикусила губу.

– Что ты об этом думаешь? – спросила Бланш.

Если бы Бесс была здесь и сказала ей, что именно происходит у сэра Рекса с Анной! Бланш хотела это знать, хотя и решила больше никогда не думать о том случае. Бесс не стала бы думать о нем – и Фелисия тоже. Они бы посмеялись и забыли о нем. Бланш надеялась, что она скоро тоже забудет о том, что увидела.

– Вы хотите услышать мое мнение? – ахнула Мег и широко раскрыла свои серые глаза.

– Да.

Мег помедлила, не решаясь заговорить, потом ответила:

– Это похоть, миледи, и ничего больше.

Бланш пристально взглянула на нее.

– Здесь одиноко, – продолжала говорить Мег. – Посмотрите вокруг. С тех пор, как мы проехали деревню, прошло много часов. Конечно, такой красивый мужчина хочет иметь женщину в своей постели, – и добавила: – Когда он устанет от этой, найдет другую. Эти лорды все такие. И я не знаю, миледи, любит он ее или нет. Он спит с этой горничной не потому, что любит ее. – При этих словах Мег покраснела.

Бланш пристально посмотрела на нее и подумала, что горничная сумела разобраться в том, чего не поняла она сама. Сэр Рекс живет один в этой глуши, и он сильный мужчина. Анна может удовлетворять его мужские потребности, вот и все. Все очень просто. Бланш поняла, что краснеет. Однажды он сменит Анну на новую любовницу. Он сошелся с Анной не из-за привязанности, а только из-за вожделения. Бланш почувствовала, что ее щеки пылают.

У Бесс каждый месяц бывали приступы того, что она называла любовью. Но сама же Бесс часто признавалась, что эти ее потребности не имеют ничего общего с настоящей любовью. Любовники, сменявшие друг друга в ее жизни, были мужчинами, которых Бесс вожделела. В светском обществе с многими случались такие любовные горячки – связи из-за похоти. У сэра Рекса связь с женщиной по той же причине. Теперь, когда она поняла, в чем дело, она должна прекратить думать об этом.

– Может быть, я распакую ваши вещи? И что вы наденете к ужину?

Бланш забеспокоилась. Они только что благополучно оставили позади ужасное начало. Если она будет крепко держать в руках свою память и сохранять самообладание, то справится с ужином. Ей не нравится одобрять или осуждать сэра Рекса за то, каких женщин он выбирает. А она всегда считала его интересным человеком.

– Ты не могла бы погладить мое серое платье из тафты?

Мег кивнула. После того как сняла траур, Бланш носила только серое. Она считала, что ей все еще не следует ярко наряжаться.

Мег начала распаковывать один из дорожных сундуков, а Бланш в это время подошла к окну и стала смотреть на расстилавшийся внизу океан. Теперь он был бледно-серым. Эта водная равнина тянулась до самого горизонта и казалась бесконечной. Но под самым замком теперь с огромной силой били по скалам берега пенистые волны. Как ни великолепен был этот вид, он заставил Бланш остро почувствовать, что она находится на самом краю королевства. Ей показалось, что она отрезана здесь от всего мира, и это заставило ее почувствовать, как огромно одиночество в этой глуши.

Бесконечный океан, почти белый берег и высокие отвесные скалы – все это было сурово, печально и прекрасно, как тот, у кого она гостила. Если она, хозяйка одного из лучших светских салонов, глядя на этот пейзаж, чувствует себя такой одинокой и далекой от всего и от всех, что же чувствует сэр Рекс, когда подходит к этому окну? Может ли человек жить так далеко от людей – можно сказать, на краю света – и не чувствовать себя одиноким?

Чувствует ли себя сэр Рекс одиноким?

Ее снова охватило беспокойство, и вместе с ним вернулось смутение. Бланш решила, что слишком сильно интересуется хозяином дома. Но в конце концов, она близкий друг его семьи,

а его семья волнуется за него, Бланш не верила, что сэр Рекс сможет перехитрить графиню, свою сестру и трех своих невесток. А значит, ему недолго осталось быть холостым.

Он далеко не идеал мужчины, и сегодняшние события это доказывают. Но он достоин лучшей жизни, чем одинокое существование в Корнуолле. И заслуживает большего богатства, чем состояние семьи Херрингтон. Бланш была доброй по натуре и любила его семью, а потому желала ему самого лучшего. И она не сомневалась, что, когда сэр Рекс женится, он забудет о горничных. Каким-то образом она знала, что он будет хорошим мужем – добрым и верным. Все мужчины в семье де Варен такие.

Бланш не хотела додумывать эту мысль и все же не удержалась: подумала, что ему нужна жена, а ей – муж. Но она говорила правду, когда заявила, что он был бы для нее ужасным мужем. Они слишком разные – противоположны, как ночь и день. Бланш чувствовала, что его мрачная внешность скрывает серьезные жизненные трудности. И для такой женщины, как она, в нем слишком много мужской силы. Бланш сама не понимала, почему она подумала одновременно о будущем сэра Рекса и о своем будущем.

Она повернулась к горничной. Та доставала из сундука светло-серое платье.

– Мег, я передумала. Я надену зеленое шелковое платье и к нему изумруды.

Глава 4

Рекс имел только двух слуг. Он был бережлив от природы, и притом не имел возможности много тратить на себя, а потому предпочитал иметь как можно меньше прислуги. Но теперь он жалел, что у него нет повара. Ему хотелось, чтобы ужин был идеальным, но еду в его доме готовила Анна, а его слуга Фенвик был дворецким, мажордомом и лакеем в одном лице. На его несчастье, Фенвик в этот день был отпущен по делам. Из-за этого Рекс не смог встретить, как полагается, леди Херрингтон. При Фенвике он бы не опозорился, позволив ей застать его с Анной.

Рекс никогда не заказывал, какую еду ему приготовить. Ему было все равно, что подают на стол. Он даже не помнил, заходил ли он хотя бы раз на кухню. Но сегодня он вбежал туда весь в поту от волнения.

Анна отлично умела готовить, и сейчас она с бешеной скоростью носилась по кухне. На плите кипели кушанья в нескольких кастрюлях. Рекс почувствовал запах жарящейся баранины. Вдруг он заметил возле кастрюль своего конюха, который мешал ложкой в одной из них. Как хорошо, что Анна сама догадалась позвать на помощь молодого Джона! На боковой доске Рекс увидел холодные пирожки с мясом фазана.

– Анна! – позвал он.

Горничная повернулась к нему. Она покраснела от жары плиты, хотя оба окна кухни были широко открыты.

– Я слушаю, сэр!

– Все готово к ужину?

– Да, милорд, – ответила Анна, нервно сжимая ладони. Вид у нее был обеспокоенный.

– Где Фенвик? – Рекс каким-то образом сумел задать этот вопрос спокойно, но был сердит, как избалованный король. В одиночку он не мог справиться с галстуком и запонками, а у Анны дел и так было выше головы.

Когда к нему приезжала в гости графиня, у него служила экономка – пожилая женщина, которая готовила очень хорошо. С тех пор у него не было гостей.

– Я послала его в деревню за пирогом.

Это встревожило Рекса. До деревни целый час пути и еще час обратно. Фенвик может не успеть вернуться к началу ужина, а он должен прислуживать за столом.

– Когда он вернется?

Анна заволновалась.

– Я думаю, к восьми, – ответила она.

Рекс в ответ лишь недовольно взглянул на нее. Лучше бы она не посылала слугу в деревню, а на десерт подала заварной крем. Рекс не мог представить себе, чтобы Анна прислуживала им и все время была перед глазами, когда он будет пытаться вести вежливую беседу с гостями. Это будет слишком стеснять. Рекс рассердился. Досада, которая весь день тлела в его душе, вспыхнула ярким огнем. Судьба, как нарочно, подбрасывает ему одну мерзкую случайность за другой! Но все же леди Херрингтон согласилась провести ночь в его доме, и сегодня они ужинают вместе. Его сердце тяжело ударило в ребра. Одно приятное событие все-таки случилось. И дай бог, чтобы все эти беды закончились. Он хотел произвести на Бланш хорошее впечатление.

– Мы будем обедать по-французски, – мягко сказал он.

Анна беспомощно взглянула на него, и Рекс увидел, что она готова заплакать.

Он объяснил еще более мягким тоном:

– Ты поставишь на стол все блюда сразу, а мы сами будем класть себе еду на тарелки. – Потом он добавил: – Не волнуйся. Баранина пахнет чудесно.

По лицу Анны было видно, что она успокоилась.

Как раз в этот момент в кухню вошла горничная Бланш. Она, как положено, присела перед ним в реверансе. Рекс удивился ее появлению и спросил:

– Почему ты не со своей госпожой?

– Леди Херрингтон находится в холле, – тихо ответила горничная.

Сердце тяжело повернулось у него в груди. Он мрачно подумал, что должен овладеть собой. Ему нужно скрыть свою тревогу и волнение, иначе леди Херрингтон поймет, что он чувствует к ней неуместную привязанность. Он кивнул горничной и быстро вышел из кухни, на ходу затягивая галстук. Он чуть было не надел фрак, но это было бы нелепо, и он выбрал светлые брюки, серебристый жилет и прекрасный темно-коричневый сюртук. «По крайней мере, внешний вид у меня безупречный», – подумал он.

Войдя в холл, он увидел Бланш и споткнулся от изумления.

Она стояла у окна и смотрела на усыпанное звездами вечернее небо. На ней было платье темно-зеленого с серебристым отливом цвета, с глубоким вырезом и короткими рукавами из шифона. Ее светлые волосы были завиты и зачесаны вверх. Она была невероятно хрупкой и невероятно прекрасной. Рекс должен был признаться себе, что всегда считал Бланш красивой, но – по крайней мере, в большинстве случаев – думал о ней с большим уважением. Теперь он только стоял и смотрел, потому что они были одни в большом зале его дома. И в эту минуту ему хотелось только одного – сжать ее в объятиях, накрыть ее губы своими и, черт возьми, основательно попробовать ее на вкус. Но этого не случилось. К несчастью, именно в этот момент, когда события прошедшего дня были полностью забыты, собственное тело предало его: он почувствовал движение в области паха.

Бланш повернулась к нему. Она улыбалась.

К ней, кажется, полностью вернулось ее обычное самообладание. Теперь Рекс еще больше восхищался этой девушкой. Он отдал бы все, что угодно, чтобы она действительно забыла о его свидании с Анной и решила, что этот случай не имеет отношения к его душевным качествам.

– Добрый вечер. По вашему виду заметно, что вы отдохнули, – сказал он и слегка поклонился.

Щеки Бланш были розовыми, словно она их слегка нарумянила. Но Рекс знал, что она не пользуется косметикой.

– Я действительно немного поспала. Но я вижу, что ваши другие гости еще не приехали. Я пришла не слишком рано?

Рекс немного помедлил и ответил:

– Боюсь, что никаких других гостей не будет.

Может быть, Бланш ожидала, что проведет вечер в обществе вежливых людей?

Бланш вздрогнула от неожиданности.

– Ох! А я полагала, что кто-нибудь составит нам компанию... но это не имеет значения. Извините меня, – сказала она. Ее голос звучал ровно, но румянец стал ярче.

Он хмуро улыбнулся, пытаясь понять, пугает ли ее то, что они будут ужинать наедине.

– Боюсь, что я плохо знаком со своими соседями.

– Но ведь вы живете здесь много лет.

– Да, вы правы.

Ее глаза широко раскрылись от удивления. «Теперь она поняла, какой я нелюдим», – еще более хмуро подумал Рекс.

– Поскольку у меня нет хозяйки в доме, я не принимаю гостей, – попытался он объяснить. Но он знал, что дело не в этом. Просто он презирает пустые вежливые разговоры и не выносит, когда чужие жены недовольно поджимают губы, услышав его имя.

На лицо Бланш вернулась улыбка.

– Извините меня, сэр Рекс. Я просто предположила, что вы пригласите в гости своих соседей. Но без них нам будет лучше, верно? Вы единственный из де Варенов, кого я мало знаю.

Рекс был поражен. Бланш хочет ближе познакомиться с ним? Его сердце забилося чаще, каждый нерв в его теле задрожал от восторга. Но это, конечно, сказано просто так, чтобы поддержать разговор. Или она действительно имела в виду то, что сказала?

Она улыбнулась и произнесла:

– Я не помню, чтобы вы когда-нибудь были плохим собеседником.

Он решил не напоминать, что все их разговоры в течение многих лет были очень короткими.

– Не желаете ли выпить шерри или вина? – вежливо спросил он.

– Спасибо, нет.

Он повернулся на костыле к столику-бару, отмечая про себя блуждающий по комнате взгляд своей гостьи. Он налил себе стакан красного вина, повернулся к Бланш и увидел, что этот взгляд прикован к нему. Она улыбнулась и отвела глаза. Рекс думал только о том, чтобы поскорее подали ужин. Молчать стало уже неловко.

– Все ли вам здесь понравилось? Не нуждаетесь ли вы еще в чем-нибудь?

По лицу Бланш скользнула улыбка.

– Мне не на что жаловаться. Все просто идеально. Ваша мать обставила эту комнату очень уютно.

У нее было много причин жаловаться, мысленно усмехнулся он.

– Я заметила у вас коллекцию оружия.

Рекс вздрогнул от неожиданности.

– Этим оружием я сражался на войне.

– Да, я это поняла. Интересная коллекция.

Он взглянул на Бланш.

– Она вам не нравится, – неожиданно вырвалось у него. И это было утверждение, а не вопрос: он каким-то образом чувствовал, что его собрание оружия ей не нравится.

– Что вы! Я не собираюсь критиковать убранство вашего дома.

– Леди Херрингтон, я уверен, что вы не станете критиковать даже самую неряшливую служанку, тем более человека, в доме которого гостите. Но мне любопытно узнать, почему вам не нравится моя коллекция.

Он хотел это знать, хотел услышать ее мнение.

Она немного помолчала, не решаясь начать, и наконец ответила:

– Я кое-что знаю о войне. Я слышала много рассказов о ней, и одно из благотворительных обществ, которому я жертвую деньги, обеспечивает жильем и многим необходимым ветеранов войны, которые, в отличие от вас, не имеют средств.

Его брови поднялись.

– Вы имеете в виду Общество патриотов?

– Да, его.

Это общество действительно оказывало очень большую помощь для людей, изувеченных войной. Рекс был восхищен.

– Я думаю, ваш отец этим занимался?

Бланш покачала головой:

– Нашими благотворительными взносами управляла я – с разрешения отца. Мы с ним в какой-то степени были партнерами. Я управляла Херрингтон-Холл и решала, куда поместить наши пожертвования. А он управлял всем имуществом семьи Херрингтон – недвижимостью и финансами.

Рекс был потрясен: Бланш больше чем просто леди – хозяйка дома.

– Оружие у меня на стене не нравится вам из-за этого? Потому что оно напоминает о войне и о множестве жизней, которые война разрушила?

Бланш сделала глубокий вдох и ответила:

– Это одна из причин. В отличие от большинства женщин нашего общества я не вижу в войне ничего романтического.

Рекс долго и пристально смотрел на нее и, наконец, сказал:

– Вы правы. В войне нет ничего романтического и ничего привлекательного.

Их взгляды встретились.

– А по какой еще причине вам не нравится моя коллекция?

Бланш не сразу решила ответить, но, немного помедлив, объяснила:

– Я не могу точно это объяснить, но мне становится неприятно, когда я на нее смотрю. Если говорить честно, она вызывает у меня грусть. Почему вы хотите видеть это оружие каждый день? Неужели оно не вызывает у вас тяжелых воспоминаний?

Рекс вздрогнул. Другой мужчина оставил бы без ответа ее прямой вопрос, но он этого не сделал.

– Люди, которыми я командовал, умирали на войне. Конечно, об этом тяжело вспоминать, – ответил он.

Ее глаза широко раскрылись.

Тогда Рекс вежливо улыбнулся ей и заговорил о погоде.

Баранина казалась ей безвкусной, как картон. Бланш не была голодна, но заставила себя съесть половину того, что было на тарелке. Точно так же она заставляла себя сохранять спокойствие. Но каждый раз, когда она смотрела в свою тарелку, чувствовала на себе пристальный взгляд сэра Рекса. Она привыкла к его взглядам, но не к таким. Раз или два их взгляды встречались во время бала. Может быть, Бланш даже улыбалась сэру Рексу или он ей. Но этот взгляд был совершенно другим. Он смущал Бланш. Казалось, что он наполняет комнату каким-то странным напряжением. Этот пристальный взгляд был мужским и ищущим. Бланш жалела, что Рекс не пригласил на этот обед других гостей. Очень трудно двум незнакомым людям обедать наедине после того, что произошло днем.

За столом они разговаривали – вежливо, хотя и чопорно. На ее взгляд, то, что им удавалось поддерживать разговор, было чудом. Но в конце концов беседа сменилась долгим неловким молчанием.

Бланш украдкой рассматривала руки сэра Рекса. Его большие сильные кисти были покрыты темным загаром, пальцы были длинные, с широкими концами. Но эти ладони двигались очень изящно, как и сам сэр Рекс, несмотря на свой костыль. Глядя на то, как эти пальцы прикасаются к вилке и ножу, она представила себе, как его ладони обнимали Анну.

Ее сердце словно качалось из стороны в сторону, а тело ныло так, что ей было почти больно. Бланш не могла понять, что с ней не в порядке.

– Я думал о Пентвейте, – медленно произнес он.

Бланш поспешила проглотить очередной кусок. Ей стало легче: теперь она сможет говорить о чем-то отстраненном. Она оторвала взгляд от мощных ладоней своего собеседника и посмотрела вверх. Мрачный и упорный взгляд его темных глаз словно обжег ее, но она отважно улыбнулась.

– Что вы станете делать, если обнаружите, что Пентвейт находится в таком плохом состоянии, как я предполагаю?

– Я надеюсь, что вы ошибаетесь. Но если вы правы, я начну его восстанавливать.

Она заметила, что сэр Рекс ничего не ел, но выпил почти всю бутылку вина. Сама она сделала лишь один глоток из своего бокала.

Сплетники, кроме всего прочего, говорили, что он пьет слишком много, а иногда выпивает даже утром. Она всегда считала это обвинение несправедливым и подозревала, что они лгут. Такой трудолюбивый человек не может беспорядочно напиваться.

– Не разрешите ли вы мне сопровождать вас завтра, леди Херрингтон? – спросил он.

Бланш эта просьба просто ошеломила. Ее изумленный взгляд встретился со взглядом сэра Рекса. Она не могла представить себе, как будет сидеть рядом с ним в карете. Но прежде чем она успела ответить, сэр Рекс сказал:

– Меня беспокоит состояние этой усадьбы. Я почти уверен, что вам может понадобиться моя помощь, если, конечно, кто-то по ошибке не перепутал купчие.

Его просьба была совершенно уместна, и ей действительно могла понадобиться его поддержка. Но как она сможет провести целый день с ним наедине, если едва справилась с собой во время обычного ужина? Она бы сумела выдержать это, если бы он не смотрел на нее так пристально. И если бы действительно смогла забыть фривольную сцену с горничной. Но к несчастью, эта картина еще долго будет отпечатана в ее памяти. А в ее тесной карете они будут сидеть слишком близко друг к другу, и от этого воспоминания будет очень трудно отделаться. Кроме того, в нем слишком много мужского начала. Ей лучше держаться подальше от этого начала, а значит, от сэра Рекса – по крайней мере, пока она не станет лучше владеть собой.

Она взглянула на его сильные руки, заставила себя не вспоминать о событиях прошедшего дня и каким-то образом сумела ответить:

– Мне совершенно не хочется заставлять вас отлучаться из усадьбы. У вас здесь, конечно, много дел.

– Вы не заставляете меня отлучаться, – настаивал он. – Мои собственные дела могут подождать. Я сильно озабочен и, как друг вашей семьи, считаю, что должен сопровождать вас.

Бланш заволновалась.

– Возможно, Пентвейт находится в прекрасном состоянии, – сказала она. – Пожалуйста, не беспокойтесь. Я даже уверена, что все хорошо, и уже сегодня перевезу туда мои вещи.

Его пристальный взгляд не дрогнул.

– Конечно, вы можете сопровождать меня, – выдохнула она. Меньше всего она хотела чем-нибудь оскорбить сэра Рекса, а вежливого способа отказать ему не было.

Он кивнул, и его крепко сжатые челюсти немного расслабились.

Посуду со стола убрал слуга, которого Бланш еще ни разу не видела. Она использовала эту передышку и попыталась успокоиться. Но она была уверена, что должна побывать у врача, как только вернется в город. С ее сердцем что-то было не в порядке: оно продолжало биться слишком быстро.

Им подали десерт. Бланш почувствовала, что уже не сможет ничего проглотить, а сэр Рекс отодвинул от себя тарелку.

– У вас много поклонников? – спросил он свою гостью.

Этот вопрос на мгновение удивил ее. Потом она ответила:

– У меня их двести двадцать восемь.

– Вы шутите! – не поверил он. Забавно было смотреть, как он удивился.

– К несчастью, нет, – с улыбкой ответила Бланш. – Вам не кажется, что это устрашающее число?

Он, похоже, совсем развеселился.

– Да, весьма устрашающее, – ответил он и повернулся к своему вину.

Что он думает на самом деле? – подумала Бланш.

Длинные темные ресницы поднялись. Он пронзил ее своим взглядом и спросил:

– Есть ли среди них кто-нибудь, кем вы восхищаетесь?

Ее сердце на секунду остановилось, ей было трудно заговорить.

– Нет. По-настоящему – нет.

– Я уверен, что подходящий кандидат появится, – сказал он и мрачно улыбнулся.

Она старалась не смотреть ему в глаза и не допускать в свой ум образ блестящей и мокрой от пота горы мускулов, вздувшихся мышц на руках и неистового восторга на его лице.

– Да, именно на это я надеюсь.

Бланш наклонилась вперед, когда ее карета свернула на дорогу, отмеченную указателем «Пентвейт». Это было на следующее утро, за час до полудня. После ужина она оставила сэра Рекса одного и поднялась по лестнице, спрашивая себя, не намерен ли он напиться допьяна в одиночестве. Она опасалась, что он проводит вечера именно так. Бланш так устала, что сразу легла в постель, хотя было только девять часов. Она подумала о загадочном хозяине этого дома, вспомнила то, что случайно увидела, и быстро уснула. Спала она глубоко и спокойно и утром проснулась только благодаря стараниям Мег.

Сэр Рекс не завтракал вместе с ней. Бланш узнала, что он работал вместе со своими конюхами – вероятно, был занят лошадьми. И сейчас он не сидел рядом с Бланш, а скакал верхом рядом с каретой.

Бланш не представляла себе, как человек, у которого от одной из ног осталась лишь половина, может ехать верхом. Но она скрыла свое изумление и сделала вид, что в этом нет ничего особенного. Она быстро заметила, что он держался в седле так умело, словно был частью своего коня, а отсутствующую правую икру заменял тростью. Но конечно, от каждого кавалериста требовалось, чтобы он еще до поступления на службу окончил курс верховой езды в военном училище.

Она была немного встревожена. Прежде карета ехала по удобной колее, но на этой дороге обнаружились глубокие ямы и камни, среди которых были такие большие, что ее кучер был вынужден лавировать между ними. Бланш удивилась, что дорога так неухожена. Она взглянула на вересковые пустоши – и не увидела ни одной пасущейся овцы.

Девушка бросила взгляд на сэра Рекса, конь которого скакал вровень с каретой. Костыль был сложен – шарниры позволяли это – и висел на крюке, прикрепленном к седлу. Всадник легко и свободно держался на огромном великолепном коне. С первого взгляда было видно, что сэр Рекс прекрасный наездник. Бланш залюбовалась им, но ее беспокоило, что он производит на нее такое сильное впечатление. Хуже того: странная дрожь в груди не проходила.

Рекс взглянул в ее сторону. Лицо у него было мрачное, и Бланш знала, что он беспокоится не из-за состояния дороги.

В этот момент она увидела у дороги здания. Когда карета подъехала к ним, оказалось, что это только каменные коробки. Все, что находилось внутри, было уничтожено, но чем – огнем или стихиями и отсутствием ухода, Бланш не знала.

Она начала понимать, что сэр Рекс был прав и Пентвейт, похоже, лежит в развалинах. Она рассчитывала отдохнуть в этом имении, но теперь ее план оказался под угрозой. А она не была готова сразу же вернуться в Лондон. Бланш хотела обсудить это с сэром Рексом, но не решалась. Она не могла долго навязывать ему свое общество, особенно после того, что увидела в кабинете.

– Усадьба перед вами! – крикнул ей сэр Рекс.

Бланш высунула голову из окна кареты, чтобы взглянуть на Пентвейт. Она увидела квадратное покрытое штукатуркой здание, совершенно обычное и невыразительное внешне. Вокруг не было ни деревьев, ни зеленых изгородей. Во дворе был маленький фонтан, но он не работал. Вдалеке виднелась маленькая каменная постройка – вероятно, конюшня или хлев. Теперь она увидела нескольких овец – они паслись за амбаром. По переднему двору бродили две исхудалые коровы. Внезапно Бланш увидела двух маленьких мальчиков. Один нес ведро, другой корзину, оба были босые и в слишком коротких штанах. Мальчики вошли в дом.

Имение Пентвейт явно не процветало. Полная противоположность Лендс-Энду. И что еще хуже, еще не входя в дом, Бланш поняла, что не сможет здесь остаться.

Ее карета остановилась. Бланш подождала своего лакея, вышла из нее и подошла к сэру Рексу, который уже спешил и теперь оглядывался вокруг. Со своего места на переднем дворе Бланш видела всюду лепешки навоза и телегу, которая почти загораживала дорожку, ведущую к парадной двери. В воде фонтана плавал мусор. Эта вода не только была стоячей. Статуя рыбы, из которой она должна была течь, была разбита. Слева она увидела огород с чахлыми овощами.

Девушка поморщилась. Как отец мог довести усадьбу до такого состояния? Он очень бережно следил за своим имуществом. Бланш не могла поверить, что он оставил в усадьбе арендаторов, которые так плохо заботятся о ней.

Сэр Рекс резко повернулся к ней и твердо заявил:

– Вы здесь не останетесь!

Бланш, все еще морщась, ответила:

– Разумеется, нет.

Немного помолчав, она добавила:

– Я не представляла... это ужасно.

– Здесь очень грязно! – резко сказал сэр Рекс. – Чужое имение меня, конечно, не касается, но, если бы у меня были такие арендаторы, я бы расторг с ними договор.

Бланш молчала, не зная, что ответить: она подумала о двух босых мальчиках.

– Вы долго ехали сюда из города. Оставайтесь в Лендс-Энде столько времени, сколько вам понадобится, – сказал он, пристально и твердо глядя на нее.

Бланш это очень удивило.

– Мне не хотелось бы навязывать вам свое общество.

– А почему бы и нет?

Прежде чем Бланш успела что-либо ответить, он быстро пошел к передней двери дома и постучал. Бланш подошла и встала рядом с ним.

Дверь открыла женщина, кормившая грудью младенца. Ее глаза широко раскрылись от удивления.

– Это леди Херрингтон! – твердо произнес сэр Рекс, не глядя на младенца, сосавшего материнскую грудь. – А я сэр Рекс де Варен, владелец Лендс-Энда и Боденика. Где ваш муж?

Изумленная женщина отняла от груди малыша и застегнула платье.

– Может, он в хлеву, а может, пашет в поле, – ответила она.

– Пожалуйста, позовите его. Нам нужно с ним поговорить.

Женщина повернулась и крикнула:

– Джеймс! Беги приведи отца, сейчас же! Скажи ему, что к нам пришли лорд и леди!

Бланш выглянула из-за спины Рекса. Такую нищету ей уже приходилось видеть в Лондоне, когда она работала вместе с сестрами из общества Святой Анны и навещала нескольких очень обедневших старых женщин. Но усадьба выглядела так, словно в ней ничего не чинили и даже не убирали много лет. Деревянный пол в прихожей и зале дома потрескался, а некоторые его участки вообще отсутствовали. Мебели было очень мало. Со стен осыпалась краска, а в некоторых местах они почернели. Бланш разглядела двух девочек и одного мальчика из тех, которых видела раньше. Другому мальчику, который побежал звать отца, было, вероятно, одиннадцать или двенадцать лет. Тем троим детям, которые смотрели на Бланш из-за спины своей матери, было от двух до восьми. Она видела их широко раскрытые глаза и вытянутые лица.

Эта несчастная семья жила в крайней нужде. Бланш бессознательно вытянула руку и дотронулась до ладони сэра Рекса. Он вздрогнул и взглянул на нее.

Бланш мгновенно опустила руку, но выдержала его взгляд. Надо было что-то сделать для этих людей.

– Милорд, миледи! – Это кричал подходивший к ним мужчина. Он запыхался от бега и тяжело дышал.

Бланш и сэр Рекс повернулась к нему. Мужчина был высокий и худой, в его широко раскрытых глазах отражался страх. Подойдя, он сразу же поклонился.

– Кто вы? – спросил сэр Рекс.

– Меня зовут Джек Джонсон, милорд.

– Я сэр Рекс де Варен, а это леди Бланш Херрингтон.

Джонсон моргнул от изумления и сказал:

– Входите, пожалуйста. Бесс, вскипяти чай.

Его жена бросилась исполнять приказ.

– Спасибо, но нам не нужно ни чая и ничего другого, – твердо сказала Бланш. Она не хотела лишать эту семью даже крошки еды, которой здесь явно и так не хватало. – Я приехала только осмотреть поместье.

Джонсон стал нервно теребить край своего воротника.

– Вы его покупаете? Поэтому вы приехали его смотреть?

Бланш вздрогнула от изумления.

– Мистер Джонсон, мой отец скончался, и мне недавно стало известно, что эта усадьба – часть наследства, которое я получила после него.

Джонсон неуверенно переступил с ноги на ногу.

– Мы честные люди, миледи... – И замолчал.

Сэр Рекс пристально смотрел на Джонсона и явно думал о том, что нищету и запустение в усадьбе ничем нельзя оправдать.

– Но что?

Джонсон сделал глубокий вдох и сказал:

– Я не хочу быть невежливым, но ничего не могу понять. Этой усадьбой много лет владел лорд Бари. Я не знал, что он умер и что у него есть наследники. Он был очень молодым и был холост.

Бланш начала беспокоиться. Она бросила взгляд на сэра Рекса и ответила:

– Мистер Джонсон, я не знаю никакого лорда Бари. Теперь уже я ничего не могу понять. Вы хотите сказать, что лорд Бари владелец этой усадьбы? Но мой юрист недавно нашел документ, в котором сказано, что усадьба принадлежит семье Херрингтон!

– Лорд Бари унаследовал Пентвейт от своего отца шесть или семь лет назад. Он был здесь всего три месяца назад, осмотрел усадьбу и взял с нас плату за ее аренду. Я думал, что вы его агенты и приехали посмотреть, привел ли я ее в лучший вид. Я тогда поклялся это сделать. Но он, значит, продал усадьбу вам? Я про это не знал.

Бланш похолодела.

Рекс повернулся к ней:

– Бланш, вы уверены, что купчая, которую вы видели, настоящая?

Она покачала головой. О боже, произошла огромная путаница. Ясно, что ее отец не владел этим имением много лет. Но если лорд Бари приезжал сюда получить плату за аренду три месяца назад, как ее отец мог купить у него усадьбу? Отца тогда уже не было в живых.

У нее возникло подозрение. Бланш напрягла свою волю и стала думать.

Бесс?

Она вспомнила, как был обнаружен документ. Адвокат, сообщивший ей о нем, был удивлен, что такой документ существует, и честно признался, что ничего не слышал о Пентвейте за все годы, которые вел дела Херрингтона. Но Херрингтон и не владел Пентвейтом много лет. Все эти годы им владел Бари. Бесс в это время была с ними и сказала, что такие путаницы происходят постоянно. Ох, как легко и уверенно она это произнесла! И ее глаза при этом так странно блестели!

Бланш была убеждена, что разгадала эту загадку. Они перед этим довольно долго говорили о сэре Рексе. И Бесс спросила ее, хочет ли она, чтобы сэр Рекс ухаживал за ней. Она твердо ответила, что не хочет этого. Но Бесс, если ей приходит в голову мысль, вцепляется в нее, как терьер в кость. Совершенно ясно, что Бесс захотела отправить Бланш в Корнуолл искать несуществующее наследство, чтобы сосватать ее с сэром Рексом.

Эта мысль ошеломила Бланш. Она почувствовала, что ее сердце бьется с сумасшедшей скоростью. Она пристально посмотрела на сэра Рекса. Ему, может быть, и нужна жена, но у нее с ним нет ничего общего. Да, ему нужен дополнительный доход, и он очень привлекателен, но он женат на своих корнуоллских землях. И она явно не интересуется его как возможная супруга. Если бы интересовала, за восемь лет он дал бы ей это понять.

И почему ее сердце бьется с такой бешеной скоростью? Почему она так потрясена?

Ему не нравятся благородные женщины. Он любит одиночество и горничных.

– Вы начинаете думать, что произошла ошибка? – спокойно спросил ее сэр Рекс.

Бланш сумела изобразить на лице бодрую улыбку. Она не могла сказать сэру Рексу, что ее лучшая подруга обманула ее – послала к нему, выдумав для этого, что она будто бы владеет соседним имением. К тому же он хохотал бы во все горло, если бы узнал, что Бесс задумала бросить их друг к другу в объятия. Или не стал бы хохотать?

Ей следует смеяться надо всем этим! Разве не так?

– Леди Херрингтон! – окликнул ее сэр Рекс и сжал рукой ее плечо, стараясь успокоить.

Бланш словно окаменела. Его ладонь была широкой, теплой и твердой – прочной, как он сам.

– Кажется, в документе было что-то перепутано, как вы и думали, – с усилием произнесла она.

– Мертвый человек не может приобрести усадьбу, а семья Бари явно владеет Пентвейтом уже много лет, – очень серьезно сказал он, внимательно изучая ее взглядом, и добавил: – Вы огорчены.

«Да, я очень огорчена. И когда я увижусь с Бесс, я дам ей хороший урок!» – подумала Бланш.

– Вашу логику невозможно опровергнуть. Значит, произошла путаница, – сумела она произнести, соглашаясь со своим спутником, и при этом подумала: «Путаница и недоразумение».

Она и сэр Рекс – муж и жена? Совершенно безумная мысль!

Да, безумная, но ведь Бесс Уэверли – одна из самых ловких и проницательных женщин из всех, кого знает Бланш.

Глава 5

Джонсон, про которого Бланш почти забыла, бросал быстрые взгляды то на Бланш, то на сэра Рекса.

Это отвлекло Бланш от мыслей о подруге и обмане, и ей стало легче.

Она повернулась к арендатору и успокоила его:

– Мистер Джонсон, мы не агенты лорда Бари. И мне теперь совершенно ясно, что я не владею этим имением.

Его мышцы мгновенно обмякли: таким резким и сильным было облегчение.

– Я не хочу отречься от лорда Бари, но у меня пятеро детей, которых надо кормить.

– Я вас понимаю.

– Если вы встретитесь с его светлостью лордом, скажите ему, что я работаю изо всех сил! – крикнул Джонсон.

– Я ни разу не встречалась с лордом Бари. Но если вы хотите, я разыщу его в Лондоне и заступлюсь за вас, – пообещала Бланш. И она действительно хотела сделать это.

Было похоже, что Джонсон не вполне ей поверил.

– Пожалуйста, будьте добры, сделайте это! – попросил он.

Бланш кивнула и ответила:

– Я буду более чем счастлива помочь вам.

– До свидания! – твердо сказал сэр Рекс, сжал руку Бланш и в упор взглянул на девушку.

Идя рядом с ним по вымощенной камнем дорожке к своей карете, Бланш оглянулась назад и увидела, что Джонсон и его сыновья смотрят им вслед. Она помахала им рукой.

Возле кареты Бланш и сэр Рекс остановились.

– С вами все в порядке? – спросил он.

Бланш набралась решимости, покачала головой и сказала:

– Мне всегда бывает плохо, когда я встречаюсь с теми, кто так беден.

– Я вас понимаю, – подхватил он. – В нашем приходе большинство семей очень бедны.

– И вы считаете, что это допустимо? – искренне спросила она, и их взгляды встретились.

– Я этого не сказал. Что вы хотите сделать?

– Если вы не против, проеду дальше, до деревни. А там куплю им еды. Кажется, Джонсон говорил правду. Может быть, если ему немного помочь, он сумеет привести Пентвейт в порядок. – Ей было очень жаль семью Джонсон, но она сохраняла спокойствие и улыбалась сэру Рексу. – И владелец земли не слишком помогает ему тем, что забирает у него последние деньги в счет платы за аренду.

За ее внешним спокойствием скрывался гнев. Сэр Рекс строго взглянул на нее, словно заметил это, и сказал:

– Владельцы земли всегда берут плату за ее аренду, леди Херрингтон.

– Не все землевладельцы берут последнее, – серьезно ответила она. – Вы сами стали бы брать сейчас плату с арендаторов Пентвейта?

Сэр Рекс словно окаменел.

– Нет, – сказал он.

Бланш не ожила такого ответа.

– У меня иные правила, чем у большинства землевладельцев. Я часто даю арендаторам отсрочку по платежам, потому что предпочитаю, чтобы фермы были в хорошем состоянии. В долгосрочной перспективе такая политика выгодна всем. Фермы процветают, арендаторы могут платить за землю, а я могу получать эту плату.

– Ваша политика мне нравится, – ответила Бланш. Она не знала, что он такой великодушный землевладелец.

– Она логична, – ответил он, немного помолчал и заговорил снова: – У нас с вами явно есть что-то общее. Вы опечалены бедами семьи Джонсон, а меня часто печалят те же самые беды, которые, к несчастью, можно увидеть повсюду в нашем приходе, да и в большей части Корнуолла. Но благотворительность помогает лишь частично. Бедным семьям нашей страны нужно больше, чем благотворительность. Им нужны средства к существованию.

Бланш пристально и прямо посмотрела в его темные глаза и только теперь заметила в них золотистые искры. Сэр Рекс умеет сострадать чужой беде. А многие ее знатные знакомые – и мужчины, и женщины – относились с полным безразличием к бедам тех, кому повезло меньше, чем им.

– Большинству светских дам не хватает такого умения сострадать. Они слишком заняты пустяками, которые тешат их тщеславие, – посетовал он.

Бланш молчала. Как странно: они одновременно подумали почти об одном и том же. Он прав, и даже очень прав, но она не станет осуждать всех знатных лондонских женщин сразу.

– Вы обвиняете слишком многих людей, – заметила она.

– Да, – признал он и слегка улыбнулся. – Не бойтесь, я не прошу вас согласиться со мной. Вы никогда не бросите камень в своих друзей.

– Нет, никогда, – подтвердила она.

Его взгляд был полон каким-то странным теплом.

– Леди Херрингтон, я восхищен вашим состраданием не только к Джонсонам, но и к ветеранам войны. – Он немного помедлил и договорил: – Я не уверен, что говорил вам об этом. Ваше сострадание так же велико, как ваше великодушие.

Бланш удивилась: сэр Рекс еще никогда не говорил ей таких льстивых комплиментов.

– Вы слишком добры.

– А я считаю, что не слишком. Поедьте же покупать им еду. Если хотите, я помогу вам в этом. – И он улыбнулся своей спутнице.

Бланш подумала, что сэр Рекс становится очень привлекательным, когда улыбается. Эта мысль вызвала у нее беспокойство.

– Сэр Рекс, у меня были хотя и по ошибке, но какие-то общие дела с Джонсонами, а у вас с ними нет ничего общего. Пожалуйста, не надо помогать. Я смогу и сама купить им немного нужных вещей.

Она была уверена, что сэр Рекс не настолько богат, чтобы позволить себе потратить деньги на еще одно доброе дело.

Улыбка исчезла с его лица, словно он догадался, что Бланш не хочет, чтобы он тратил свои скромные средства на арендаторов Пентвейта.

– Я буду рад внести свой вклад в эту помощь, – твердо сказал он. – Я велю Фенвику отвезти покупки по назначению, и тогда мы вернемся в Боденик вовремя к позднему обеду.

Бланш кивнула в знак согласия. Было ясно, что он твердо решил показать ей свое великодушие и щедрость. Но она и так догадывалась, что он великодушен и щедр, несмотря на то что имение у него не слишком большое. Почему он льстил ей? Он не дамский угодник и не флиртует с ней. И почему ей была приятна его лесть? Она же привыкла к лести и флирту. Она не могла спокойно войти в гостиную: обязательно какой-нибудь светский наглец подходил к ней со своей неискренней похвалой.

Идя вслед за Рексом к карете, она украдкой взглянула на его волевой классический профиль. В этом человеке было больше, чем могли увидеть глаза. Он был нелюдим и пил немного больше, чем надо, но Бланш не могла осудить его за это, видя его трудолюбие, надежность, честность и проницательность. Он не тратил свою жизнь зря, он делал мир лучше и совершал достойные порядочного джентльмена дела.

Она и прежде чувствовала его обаяние. Каждый раз, когда она входила в гостиную, где находился сэр Рекс, она сразу замечала его. До сих пор она никогда не задумывалась над этим.

Но теперь ей пришло на ум, что он всегда мог инстинктивно нравиться ей. У него явно есть та сила характера, которая привлекает ее в мужчинах. На такого человека, безусловно, можно положиться.

Сэр Рекс заметил ее пристальный взгляд и улыбнулся.

Было три часа дня, когда они, наконец, вернулись в Лендс-Энд. Бланш была довольна тем, что купила для семьи Джонсон. Но половину денег на эту помощь внес сэр Рекс: было невозможно отговорить его от этого.

Она была весьма озабочена. Раньше она чувствовала только смутный интерес к сэру Рексу де Варену – возможно, лишь оттого, что их семьи дружили. А что теперь? – задумчиво размышляла Бланш. За очень короткий срок они стали близкими знакомыми и он явно стал вызывать у нее любопытство. Бланш не знала, что ей с этим делать. Любопытство к сэру Рексу она чувствовала всегда, но на безопасном расстоянии. Теперь этой безопасности не было, особенно когда Бланш позволяла себе вспомнить предыдущий день. Она была не в состоянии забыть тот случай. Но сегодня он уже не казался таким возмутительным, как вчера.

Из дома вышла Мег, а вслед за ней появилась Анна, которая шла явно не торопясь. Мег улыбалась во весь рот, Анна бросила на Бланш странный косой взгляд. Бланш это не слишком заинтересовало, но все же ей было неприятно. Она решила не думать об этом.

– Хорошо ли вы провели день, миледи? Понравились вам завтраки в корзинах? – все с той же сияющей улыбкой спросила Мег.

– День был необычный. Мы не поедem в Пентвейт, – сказала Бланш своей горничной. Потом немного помедлила и добавила: – Сэр Рекс спас положение.

Глаза Мег широко раскрылись. Анна бросила быстрый взгляд в сторону Бланш.

Сэр Рекс, разговаривавший с кучером своей гостыи, теперь вышел вперед и сказал:

– Я велел Анне приготовить нам обед и уложить его в корзины – на случай, если он понадобится. – Он повернулся к своей горничной, которая тем временем вынула из кареты плетеную корзину. – Пожалуйста, отнеси наш ланч в столовую. Леди Бланш очень голодна, так что мы пообедаем прямо сейчас.

Бланш заметила, что он задумчив и чересчур внимателен к любой мелочи. Она так долго смотрела на его красивое лицо, что он удивленно поднял брови и спросил:

– В чем дело, леди Херрингтон?

Ее сердце тревожно вздрогнуло.

– Я голодна как волк. – Она помолчала в нерешительности, потом предложила: – Не могли бы мы пообедать на свежем воздухе? Мег говорила, что у вас из сада при башне открывается прекрасный вид на окрестности.

Вчера за ужином им обоим было неловко. Им почему-то было тесно вдвоем в столовой. При ее внезапном интересе к его характеру им лучше будет пообедать под открытым небом: это не так интимно.

Сэр Рекс, кажется, был немного удивлен.

– Оттуда можно увидеть Америку – по крайней мере, так утверждают местные жители. Но сад еще в зимней спячке.

– Это меня не беспокоит.

– Вы уверены, что вам не будет холодно? Вы провели под открытым небом почти целый день.

Если бы Бланш не застала его вчера в некрасивой ситуации, она до сих пор продолжала бы считать его безупречным джентльменом.

– Мне нравится прохладный воздух, – ответила она и улыбнулась, не глядя на него.

Не потому ли Бесс решила их поженить, что знала, какой у него сильный и цельный характер, и понимала, что такой человек поможет ей управлять ее имуществом?

Сэр Рекс внимательно и пристально посмотрел на нее, но она не ответила на этот взгляд. – Анна, принеси леди Херрингтон теплую накидку, – велел он, сделал своей гостье знак идти и сам пошел за ней.

Они завернули за угол замка и оказались возле башни. Пройдя мимо нее, Бланш остановилась. Он был прав: отсюда был виден весь океан до самой Америки – или, по меньшей мере, так казалось.

Там, где кончался сад, суша исчезала в океане. Бланш помнила, что внизу под этим отвесным обрывом есть еще скалы, но их невозможно было увидеть отсюда. Сегодня Атлантический океан был окрашен в серый, как сталь, цвет с радужными переливами.

– Ох! – вырвалось у Бланш, когда на поверхности воды вспыхнули золотые и оранжевые блестяшки.

– Это прошел косяк рыбы. Они блестят, как металл, – тихо пояснил сэр Рекс.

И встал за спиной Бланш – так близко, что его дыхание щекотало ей шею. Бланш мгновенно отступила – почти отпрыгнула – на приличное расстояние. Сердце вдруг сильно забилося у нее в груди. Сэр Рекс не коснулся ее, но она почувствовала себя так, словно это произошло, потому что ощутила тепло его тела.

Бланш мгновенно лишилась сил и чуть не задохнулась. Почему его близость вызвала у нее такую сильную реакцию? Этого Бланш не могла понять. То, что она оказалась так близко от него, была явная ошибка.

– Извините, что я вас напугал! – произнес сэр Рекс и отвернулся от нее.

Его полос прозвучал резко, почти грубо.

Бланш не позволила своей памяти выпустить на волю воспоминание о нем и Анне. Она не позволила себе даже задуматься о том, что означает тон его голоса. Вместо этого она окинула взглядом сад. Здесь были кусты роз, глициния и клумбы с нарциссами и тюльпанами. Мег расстлала клетчатое одеяло, Анна открывала корзину. Рекс быстро, как бы между делом, улыбнулся гостье, повернулся к своей горничной и приказал:

– Принеси бутылку белого вина и два бокала.

– Летом здесь, должно быть, очень красиво, – сказала Бланш.

– Я уже говорил вам: вы должны вернуться сюда летом, – ответил Рекс и улыбнулся ей.

Теперь сердце Бланш как будто перевернулось в груди. Она не знала, что с ней происходит, но его улыбка была прекрасной. Просто стыдно так редко пользоваться этой улыбкой. Если бы он проводил в Лондоне больше времени, он не был бы холостым. Какая-нибудь молодая светская красавица подцепила бы его – в этом Бланш не сомневалась. Состояние у него небольшое, но у него есть другие прекрасные качества. А среди девиц, которые впервые выходят в свет, не все так глупы, что не умеют очаровать мужчину. Странно, и даже очень странно, что он до сих пор не женат.

Бесс в самом деле хочет их поженить?

Бланш взглянула на волевой профиль сэра Рекса, следившего за тем, как ее горничная выкладывает из корзинки ланч. На мгновение в ее памяти все же мелькнул другой образ – выпуклые мышцы, могучие плечи, блестящая от влаги кожа его спины и груди. Снова началось прежнее волнение, правда, не такое сильное, как раньше, и – странная боль. Бланш заставила себя взглянуть на еще спавший зимним сном сад и попыталась представить себе, что она посадила бы здесь, если бы жила в Лендс-Энде. «Я бы попыталась посадить сирень», – твердо подумала она.

Тут она почувствовала на себе взгляд сэра Рекса и подняла глаза. Хозяин дома смотрел на нее пристально и дерзко. Этот взгляд был слишком мужским и почти обольщающим. Еще одну секунду он продолжал только смотреть, словно глубоко задумался и не заметил ее взгляд. Лишь потом он улыбнулся.

Он предпочитает дамам из общества горничных. Он трудолюбивый и решительный. Бесс хотела их поженить.

Сэр Рекс покраснел и отвел взгляд в сторону.

Бланш торопливо подошла к одеялу и села так быстро, что потеряла равновесие. Но много ли значит равновесие тела, когда совершенно нет равновесия в душе? Она стала поправлять юбки и, возясь с ними, почувствовала, что ее щеки горят от стыда. Теперь ей казалось, что этот обед-пикник был самым худшим, что она могла придумать. Но как она теперь избежит пикника? И что значил его прямой и властный взгляд?

«Должно быть, я заранее догадывалась об этом. Но все равно, пусть черт заберет Бесс и ее маленький заговор!» – подумала она.

– Леди Херрингтон, с вами все в порядке? – спросил сэр Рекс, садясь рядом с ней и осторожно кладя свой костыль на траву.

Бланш изобразила радостную улыбку. Теперь избежать пикника невозможно, подумала она. Нужно придумать что-то, что придаст ей сил.

– Подать вино – чудесная мысль! – воскликнула она.

Теперь, когда уже было поздно, ей захотелось снова укрыться за своим самообладанием и носить его, как воин – доспехи.

Он внимательно взглянул на нее, словно пытаясь найти на ее лице ответ на какой-то вопрос.

– Иногда, глядя на вас, я вижу, что все ваше лицо выражает волнение.

Ее глаза широко раскрылись. Но он не цыганка-гадалка и не мог прочесть ее мысли.

– Я хотел бы избавить вас от этой тревоги. Джонсоны будут хорошо жить до весны. Если вы желаете, я лично позабочусь об их благосостоянии.

«Он считает, что я волнуюсь из-за той семьи», – с облегчением подумала Бланш.

– Спасибо, – ответила она. – Я действительно волнуюсь из-за них. С вашей стороны было бы очень благородно, если бы вы продолжали следить за тем, все ли у них благополучно.

Его взгляд скользнул над ее головой, и Бланш поняла: Рекс считает ее поведение странным. Он передал ей блюдо с холодной курицей и салатом, и она сосредоточилась на еде. Но из-за того, что он сидел так близко, есть было трудно. Сидеть вдвоем на маленьком одеяле было еще интимнее, чем сидеть друг напротив друга в столовой.

– Я слышала, что граф и графиня в мае будут праздновать годовщину своей свадьбы, – сумела она произнести.

– Да, – подтвердил он, но потом замолчал: к ним подошла Анна с открытой бутылкой вина и двумя бокалами.

Он поблагодарил горничную, и та ушла. После этого сэр Рекс налил вино в бокалы, подал один из них Бланш и взял с одеяла свою тарелку.

– Это будет семейный праздник, и я жду его с нетерпением, – договорил он.

– Они, кажется, любят друг друга сейчас так же сильно, как любили всегда, – заметила Бланш после того, как проглотила маленький кусок курицы. Интерес к еде у нее пропал.

А вот у сэра Рекса аппетит, кажется, был просто зверский. Но он все же поднял взгляд от тарелки и посмотрел на гостью.

– Они очень любят друг друга. Когда они встретились, она была вдовой, а он вдовцом. Так что это был брак по любви. И таким он остается до сих пор.

Бланш пристально посмотрела на него. Было невозможно не подумать, что все в его семье женаты или замужем и все счастливы в браке, а он – такое заметное исключение из правила. Она ни за что не осмелилась бы спросить, почему он остается холостым. Но сейчас ей хотелось сделать именно это.

– Кажется, в вашей семье все женятся и выходят замуж по любви.

– Да, это так. – Он бросил на нее странный взгляд.

Бланш понимала, что сует свой нос в чужие дела, и не могла объяснить, почему делает это. Неужели сэр Рекс до сих пор не женат потому, что ждет свою любовь? Конечно нет. Он совершенно не похож на романтика.

– Возможно, вы будете следующим, кто это сделает.

Он взглянул в сторону и потянулся к своему стакану.

– Это романтическая мысль. Вы романтик, леди Херрингтон?

– Нет. – Бланш вряд ли могла назвать себя романтической. Она добавила: – Я никогда не была влюблена. Я выйду замуж из соображений практичности, мне необходимо иметь мужа.

Его взгляд стал более напряженным.

– Брак обычно бывает удобным. Но я боюсь, что не совсем понимаю вас.

Ей стало легче дышать. Эта тема идеально подходила для беседы.

– В прошлом месяце я начала вместе с агентами и адвокатами моего отца просматривать его финансовые дела и пытаюсь в них разобраться. Это так сложно, что я просто в ужасе! Там есть заморские предприятия, акции компаний, о которых я никогда не слышала, и странные товарищества. Мне очень трудно. Я привыкла к тому, что управляю нашими благотворительными пожертвованиями, и это мне интересно. Я ничего не могу понять в бухгалтерских книгах, тем более в его инвестициях, которых было много.

– И поэтому вам нужен муж. – Он допил свое вино. – Я готов согласиться с вами. Херрингтон был известен как блестящий предприниматель. У меня есть друзья, которые прибегали к хитростям, чтобы узнать, какие предприятия он создал и куда вложил деньги за последнее время, потому что надеялись повторить его успех. Но он, конечно, хранил свои дела в тайне. Почему вы должны управлять таким большим наследством одна?

Он согласился, что ей нужен муж. В этом не было ничего странного: так считали все. Но она подумала о том, какой он трудолюбивый. Он очень аккуратно и старательно ведет свои дела: его поместье – яркий пример этого. Ей было неловко признаваться себе в этом, но она решила, что ее будущий муж должен иметь некоторые из лучших качеств сэра Рекса. Но сам сэр Рекс не подходит для нее, что бы ни думала по этому поводу Бесс: даже одно его присутствие рядом слишком волнует ее.

– Как вы будете его выбирать? – спросил сэр Рекс.

Она напряглась:

– Буду выбирать кого или что?

– Как вы решите, кто из ваших поклонников будет самым лучшим мужем? Вы только что сказали, что выйдете замуж не по любви, а по экономическим причинам. Значит, вы должны были определить, какими качествами должен обладать предполагаемый муж.

Ей стало не по себе.

– Мои лучшие подруги дают мне советы.

На его красивом лице отразилось удивление.

– Леди Уэверли и... я не могу вспомнить, как зовут брюнетку.

– Теперь она леди Дэгвуд. Фелисия недавно вышла замуж.

– И что же вам советуют ваши подруги-леди?

Бланш пристально посмотрела на него. Их взгляды встретились. И на этот раз она не могла отвести глаза в сторону. Она почувствовала, что к ее щекам приливает горячая кровь. Бланш даже подумать не могла о том, чтобы рассказать ему, какой совет дали ей Бесс и Фелисия.

Он наклонился вперед.

– Они, конечно, знают, что из ваших двухсот двадцати восьми поклонников примерно двести – негодяи, которые охотятся за вашим состоянием?

Она облизала языком внезапно пересохшие губы.

– Прошу вас видеть разницу между мной и ними. Я уверена, что из моих двухсот двадцати восьми поклонников за моим состоянием охотятся все двести двадцать восемь.

На его лице отразилось облегчение. Он улыбнулся и сказал:

– Слава богу, вы разумная женщина. Так что же советуют вам подруги и как вы будете делать выбор среди такого множества?

– Они надеются, что я выберу кого-нибудь молодого и красивого. Им все равно, будет ли его интересовать только мое богатство.

– Но вы, конечно, не примете во внимание этот совет!

– Меня не слишком интересуют денди на много лет моложе меня. И мне не важно, будет ли мой муж красивым.

Сказав это, Бланш смутилась и сделала вид, что рассматривает одеяло. Сэр Рекс тоже красив – иногда она думала, что даже слишком красив.

Он успокоился.

– Я надеюсь, что вы останетесь такой же рассудительной, когда очаровательный повеса будет шептать вам на ухо клятвы в вечной верности. И каждое его слово будет казаться правдой, но на самом деле окажется обманом.

– Я сомневаюсь, что меня удастся провести, сэр Рекс, – ответила Бланш.

Их взгляды снова встретились.

– Я должен вас предостеречь, леди Херрингтон, – сказал он наконец.

– О чем вы?

– Я джентльмен, что бы вы на этот счет ни думали. – Он покраснел. – Вы сейчас – подходящая цель для каждого плута и мошенника. А вам не нужен муж, который, вместо того чтобы охранять ваше состояние, его растратит. Даже если в первые год или два после свадьбы вам с ним будет весело, потом вы будете много лет горевать из-за него. Такой мошенник истратит все, что у вас есть, до последнего гроша, а потом будет бродить, где захочет и когда захочет.

Бланш пристально взглянула на Рекса, и он ответил ей таким же пристальным взглядом.

– Я осознаю, что такое возможно, – ответила она наконец.

– Это хорошо, – ответил он и налил себе еще вина. Было похоже, что он начинает сердиться.

Бланш отлично понимала, какой ужасной может стать ее жизнь с неудачно выбранным мужем.

– Вы хотели бы дать мне совет?

Рекс не отвел в сторону свои темные глаза. Его взгляд был настойчивым, почти дерзким.

– Я советую вам забросить сеть в другой пруд, – сразу же ответил он. – Тот, кого вы ищете, не запишется к вам в поклонники. Такой человек будет считать, что он ниже вас. Поскольку вы богаты, а он недостаточно богат, он посчитает, что ухаживать за вами ниже его достоинства.

Бланш подумала, что никогда не получала совета лучше, чем этот. Он прав – она должна отвергнуть всех своих поклонников. Не по этой ли причине сэр Рекс не пришел на ее прием?

Ее сердце сильно забилося – это был уже третий приступ сердцебиения, причину которого она не могла понять. Конечно, дело было в этом. Он не охотник за приданым и никогда не поставит себя в положение, при котором может показаться искателем богатых невест.

Но это вовсе не значит, что он стал бы ее поклонником, если бы ее состояние было меньше. И ей едва ли хочется, чтобы он ухаживал за ней. Она оправилась от того, что видела его во время интимной встречи, и, без сомнения, многие его качества восхищали ее. Но в нем слишком много мужской силы для такой женщины, как она.

У нее перехватило дыхание. Вот она, главная сложность! Это гораздо важнее, чем то, что она светская женщина, хозяйка салона, а он деревенский отшельник. Ее еще никто даже не целовал, а сэр Рекс явно мужчина с большими сексуальными потребностями и большим любовным опытом. Они никогда не уживутся друг с другом.

– Вы ничего не съели, – заметил он.

Бланш взяла с одеяла тарелку и при этом заметила, что ее рука дрожит. Теперь она была осторожнее и уклонилась от его взгляда.

– Спасибо, – сказала она. – Я думаю, что последую вашему совету или, по крайней мере, попытаюсь это сделать.

«Теперь я уже не усну», – подумала Бланш.

Она стояла у окна своей спальни. На ночном небе сверкали звезды, океан светился местами черным, местами серебристым блеском. Поскольку свои легкие ланчи они съели поздно, сэр Рекс велел подать легкую закуску в кабинет, где работал с бумагами, и еще раз поел там, а Бланш взяла в свою комнату поднос с едой. Была почти полночь, и Бланш ворочалась на своей постели уже не меньше часа. Все ее мысли были заняты хозяином этого дома.

Она должна отвергнуть всех нынешних поклонников. С этим советом она согласна и готова его выполнить, потому что он верен по своей сути. Но что делать потом?

Считать ли, в конце концов, сэра Рекса кандидатом в мужья?

И почему он в своем возрасте все еще не женат?

Бланш прислушалась к реву океана, но эти звуки ее не утешили. Никакое количество холодного океанского воздуха не могло остудить ее щеки. За последние полтора дня произошло так много событий, что ей казалось, будто она уехала из своего дома год назад. Теперь она жила как будто в совершенно другом мире. Она словно стояла на краю пропасти. Достаточно одного неверного шага – и она упадет с огромной высоты. Это так страшно и тревожно!

Но разве она не мечтала, что однажды ее сердце забьется быстро и она почувствует что-то иное, чем тишина и покой?

Просто она не ожидала, что этот день действительно придет и будет наполнен таким сильным смятением. Сэр Рекс каким-то образом перевернул ее мир, заставил ее чувствовать себя неуверенно и беспокойно. Но разве это не лучше, чем жить в уравновешенном мире, где невозможно оступиться?

Сэр Рекс может оказаться подходящим мужем, если у них будут разные спальни. Он управлял бы ее имениями честно и аккуратно. Они, кажется, приятны друг другу и уже становятся друзьями. Бланш знала, что в свете удачными были лишь немногие браки, и все они были основаны на глубокой привязанности. И все же у сэра Рекса много недостатков. Ее тревожило, что он пьет лишнее. Оружие на стене тревожило ее еще больше. Что бы ни случилось на войне, воспоминание об этом преследовало его и делало несчастным. Она бы могла вычеркнуть из списка недостатков его нелюдимый нрав: он мог бы приезжать в город и уезжать оттуда когда угодно. Сильнее всего ее беспокоила его мужская сила.

Совершенно ясно, что ему необходимо много плотской любви. А ей плотская любовь совсем не нужна. Ему, несомненно, нужна в постели страстная женщина, а Бланш знала, что она не такая. Многие супруги имеют отдельные спальни. Но если она и сэр Рекс, поженившись, будут спать врозь, он захочет иметь любовницу. И ей, разумеется, придется смотреть на это сквозь пальцы и относиться к неверности мужа с полным безразличием. А будет ли она безразлична к этому? И как быть с детьми?

Бланш напомнила себе, что слишком торопится, уже думая о сэре Рексе как о кандидате в мужья, несмотря на недостатки, которые этому мешают. И она еще не знает, почему он остался холостым. И уж точно она не знает, сможет ли она убедить его жениться на ней, даже если решит попросить его об этом.

А если она сделает предложение и сэр Рекс примет его, что тогда?

Анна плакала от удовольствия в его объятиях. Она плакала от восторга. Это было восхитительно и бесстыдно. Бешеный восторг на лице сэра Рекса был еще более бесстыдным и восхитительным.

Бланш отвернулась от окна. Еще недавно она была равнодушна к красивым мужским лицам. Но когда сэр Рекс входил в комнату, она всегда поднимала на него взгляд, а теперь ее сердце бьется чаще из-за него. Неужели она в конце концов обратила внимание на мужчину?

Что это – влечение? Бланш попыталась представить себе, что бы она сделала и как бы себя чувствовала, если бы он дотронулся до нее по-настоящему – не вежливо взял за локоть, а коснулся нежно и ласково. От одной мысли об этом ее сердце забилося сильнее, она задрожала мелкой дрожью, в теле снова возникла прежняя легкая ноющая боль.

Она почувствовала, как к щекам приливает жар.

Она была бы не против, если бы он взял ее за руку или даже попытался поцеловать.

Бланш села, точнее, почти рухнула на стул. Новые чувства ошеломили ее. Ей двадцать восемь лет, а она впервые в жизни обратила внимание на мужчину и думает о его поцелуях. Как это могло случиться?

Она немного посидела спокойно, давая своему уму проясниться. Привязанность и влечение – неподходящие причины для того, чтобы выйти замуж. Теперь она точно не уснет. Бланш решила, что ей нужно выпить немного бренди. Завтра она составит список доводов за и против сэра Рекса. Торопиться незачем. Она так долго оставалась незамужней, и теперь, когда решила исправить это положение, она должна сделать правильный выбор.

Бланш открыла шкаф и вынула из него платье, которое надевала днем. Она не может ходить по дому сэра Рекса в одежде, предназначенной для постели. Поэтому она сняла ночную одежду и надела шерстяное светло-серое платье.

На пути из своей комнаты она бросала быстрые взгляды на двери. Одна из них ведет в комнату сэра Рекса, если только комнаты хозяина дома не расположены в башне. Бесшумно проходя по холлу – она была в ночных туфлях и к тому же шла на цыпочках, – Бланш заметила, что волнуется и напрягает слух, желая расслышать что-нибудь. В холле стояла такая тишина, что был бы слышен даже самый слабый шорох, но она ничего не услышала.

Когда она спустилась вниз по лестнице в большой зал, он был пуст. Огонь в камине догорал; от него оставались только слабые вспышки и тлеющие угли. В подсвечниках на стенах горели не потушенные вечером свечи, но оба подсвечника находились возле передней двери. Поэтому по всей большой комнате плясали тени. Бланш пошла к столику-бару на колесах, но по пути споткнулась о скамейку для ног. Скамейка с громким стуком выскользнула у нее из-под ног. Бланш заморгала и помолчилась о том, чтобы этот шум никого не разбудил.

На колесном столике она увидела несколько графинов и налила себе из того, в котором, как она думала, было бренди. В этот момент она почувствовала, что за ней кто-то наблюдает.

Бланш повернулась и увидела сэра Рекса. Он сидел на софе в такой ленивой позе, что можно было подумать, будто он спит. Но он не спал. Его пристальный взгляд был направлен на Бланш и не терял свою цель, несмотря на мешавшие ему тени. В свете огня его темные глаза приобрели цвет янтаря и смотрели настороженно, как глаза льва.

Бланш похолодела, но ее сердце словно подпрыгнуло в груди.

Хозяин дома медленно зашевелился, сел прямо и потянулся за своим костылем, лежавшим на полу. Он был без сюртука и жилета – только в рубашке, брюках и ботинках. И рубашка была расстегнута почти до пупка.

Бланш смотрела на его торс. Она знала, что не должна делать этого. Но не могла заставить свой взгляд подняться вверх. Он напомнил ей микеланджеловского Давида.

Он встал и спросил:

– Леди Херрингтон?

Бланш наконец перевела взгляд на его лицо.

– Вы, должно быть, думаете, что я тайком напиваюсь, – хрипло сказала она.

Он подался вперед и ответил:

– Я ничего подобного не думаю. Вы дрожите. Вы не больны?

Она покачала головой, стараясь не смотреть на мощные, словно две высеченные из камня плиты, мышцы его груди.

– Я не могу уснуть. И я подумала, что глоток бренди мне поможет.

Продолжая с неослабевающим упорством смотреть на нее, он застегнул рубашку, но только до ямки на груди.

– Пейте столько бренди, сколько желаете, но то, что вы себе налили, – это портвейн, – мягко объяснил он. Свет огня играл на его лице.

– Боюсь, я не поняла, что напиток другой.

– Позвольте, я сам налью вам, – сказал он, встал и подошел к ней.

Беспокойство девушки усилилось. Бланш совсем не хотела, чтобы он подходил ближе: она слишком сильно чувствовала его присутствие рядом, и оно слишком ее волновало. Сэр Рекс взял у нее бокал и поставил его на столик. Теперь он стоял так близко, что Бланш чувствовала запах его одеколона – смесь запаха океана, ароматов леса и еще какого-то легкого цитрусового запаха. Это был очень мужской запах. Наливая своей гостье бренди, сэр Рекс случайно задел ее рукой.

– Спасибо за то, что вы так добры.

Его взгляд остановился на губах Бланш, потом снова вернулся к ее глазам.

– Вы не хотите поговорить о том, что вас беспокоит?

Бланш не знала, что ответить. Ей было трудно думать.

Ее ум работал с бешеной скоростью, пытаясь проанализировать сразу все ее тревожные чувства. Эта минута их близости была такой чудесной! Бланш понимала, что быстрое биение ее сердца и дрожь в ее руках и ногах – признаки любовного желания. Но она боялась, и ее страх был так же силен, как восторг. Она чувствовала себя так, словно висит на канате над пропастью и этот канат постепенно разматывается.

Наконец она осмелилась взглянуть ему в глаза и вздрогнула. Ее сердце застучало еще быстрее. Никто никогда не смотрел на нее таким обжигающим взглядом.

– Обычно свежий воздух помогает заснуть, – сказал он, и его густые темные ресницы опустились.

Бланш знала, что должна либо начать с ним светский разговор, либо вернуться в свою комнату. Теперь она была совершенно сбита с толку. И то, что сэр Рекс мог быть кандидатом в ее мужа, несколько не облегчало положения. Она не могла придумать, что ему сказать. А ведь вежливость всегда была ее второй натурой. И что еще хуже, она не могла заставить себя выйти из зала. Ее домашние туфли как будто приклеились к полу.

– В свете свечей вы кажетесь невинной, как пятнадцатилетняя девочка, – тихо сказал он.

Ее сердце бешено заколотилось. «Я действительно неопытна и невинна, как в пятнадцать лет», – подумала она. Она робеет и стесняется, как пятнадцатилетняя девочка! Но он не может знать об этом.

– Мне скоро будет двадцать восемь, – ответила она.

Он бросил на нее искоса странный взгляд, означавший что-то вроде «Мне это все равно».

Бланш боролась с желанием задать ему свои вопросы. Но он был необычно разговорчив. Может быть, это удачный момент?

– Почему вы не спите, сэр Рекс? Должно быть, уже полночь.

Темные глаза хмуро взглянули на Бланш. Было похоже, что сэр Рекс не имеет желания отвечать.

Вдруг она догадалась, что он, должно быть, ждет любовницу. Ее щеки словно обжег огонь.

– Извините, я сейчас уйду! – И она повернулась, чтобы убежать.

Он схватил ее за запястье и заверил:

– Вы мне не мешаете.

Она каким-то образом повернулась – или он ее повернул – и снова оказалась к нему лицом.

– Если вы не можете уснуть, мы можем объединить наши бессонницы, – тихо добавил он и отпустил ее руку.

Запястье, которое он только что сжимал, горело как в огне. Все ее тело напряглось от странной тревоги. Но часть ее хотела остаться: ее неодолимо влекло к нему. Это же то самое, что она надеялась испытать. Разве не так? Правда, она не мечтала о мужчине, который принесит так много беспокойства. Ей хотелось полюбить человека с гораздо более легким нравом, а этот грозен по самой своей сути.

Разумная часть ее души поняла: нужно бежать, пока не поздно, пока канат не размотался до конца. А он разматывался – Бланш это чувствовала. Сэр Рекс слишком мрачен для нее. Бланш знала это, но ее ноги не сдвинулись с места.

Прошло довольно много времени, прежде чем она смогла заговорить.

– У вас часто бывает бессонница? – очень тихо спросила она и крепко прижала бокал к животу.

Улыбка, мелькнувшая в ответ на его лице, была прекрасна.

– Это зависит от обстоятельств, – ответил он.

Ей понадобилось время, чтобы понять, что он имел в виду. Она почему-то снова представила его вместе с Анной и подумала, что сейчас он лежал бы в кровати с этой девушкой, если бы в доме не было гостей. Бланш покраснела до ушей, ее сердце застучало с сумасшедшей силой.

– Мне очень нужно вернуться в свою постель, – быстро сказала она.

– Не уходите!

Бланш похолодела.

– Пожалуйста, не уходите. Мне нравится быть в вашем обществе, – тихо сказал сэр Рекс и бросил на нее еще один изумивший ее взгляд.

Бланш вздрогнула. Он пьян или просто невероятно дерзок и поэтому говорит так откровенно?

– Мне тоже всегда нравилось ваше общество, сэр Рекс, – призналась она самым неприкрытым тоном, на который была способна.

Кажется, ее слова вызвали у сэра Рекса то сдержанное веселье, которое обычно скрывают за полуопущенными веками, как за тяжелыми ставнями.

Она проглотила комок в горле, лихорадочно ища подходящую тему для разговора.

В такой час и при таких обстоятельствах это было почти невозможно.

– Я завидую вам: вы хозяин такого прекрасного места.

На его лице снова появилась улыбка – немного кривая, но невероятно привлекательная.

– Как вы, хозяйка Херрингтон-Холл, можете завидовать мне из-за Лендс-Энда?

– Может быть, именно потому, что ваше имение на самом краю мира. Не зря его название означает «край земли». Дома я никогда не могу остаться одна, а здесь я наслаждаюсь одиночеством.

– Долго ли вы будете здесь гостить?

Бархатный тембр его голоса волновал ее тело так, словно весенний ветер проник к ней под юбки.

– Не знаю. Вряд ли я могу навязывать вам свое присутствие.

– А если я хочу, чтобы вы навязали его мне?

Бланш смущенно взглянула ему в глаза.

– Возможно, я должен вам признаться, – медленно заговорил он, и Бланш напряглась, ожидая, что будет дальше, – что иногда человек чувствует себя здесь одиноко, – договорил сэр Рекс.

«Сэру Рексу одиноко», – подумала Бланш. То, о чем она догадывалась, он сейчас подтвердил и вызвал у нее сочувствие.

– Вам надо бы чаще приезжать в город.

Ресницы Рекса дрогнули и скрыли от Бланш его глаза. Он произнес вполголоса, как будто не слышал ее слов:

– Вы не обязаны принимать решение сейчас же.

Она лихорадочно соображала, что бы ему ответить.

Сэр Рекс получил это имение в награду. То есть в каком-то смысле он не выбирал эту жизнь. Но город он покинул по собственному желанию. И почему же все-таки он остался неженатым?

– О чем вы думаете, Бланш? – тихо спросил он.

Девушка повернулась к нему. Как легко он произнес ее имя! Оно соскользнуло с его губ ласково и нежно, словно шелк. Но Бланш знала, что это случайная оговорка, которую сэр Рекс даже не заметил.

– Я понимаю, что здесь не все соответствует привычному для вас уровню жизни, – тихо заговорил он. – Но если вы скажете, что вам нужно, я переверну небо и землю, чтобы доставить вам удовольствие. – Он опять медленно улыбнулся. Его взгляд долго блуждал по ее лицу, а потом опустился на край выреза ее платья.

Бланш была изумлена. Почему он так сильно хочет угодить ей?

– Здесь все соответствует моему уровню! – Бланш сказала это с таким жаром, что сама была поражена, почему она так волнуется. – Я полюбила Лендс-Энд, то есть я хочу сказать, он мне очень нравится. Я была бы рада побыть здесь... еще немного.

Бланш приняла решение: сейчас она будет очень дерзкой и задаст ему совершенно неуместный вопрос: почему он не женат.

– Полночь всегда – самое лучшее время для признаний.

– Вы хотите признаться мне еще в чем-то? – Она терялась в догадках, что еще может услышать от него.

Его лицо дрогнуло в улыбке.

– Вы застали меня не в самый подходящий момент, но не убежали прочь.

Бланш провела языком по губам. Что ответить на это? И собирается ли он говорить о том дневном случае?

– Вы поразительно любезны и милосердны, леди Херрингтон. Я ведь догадываюсь, что даже сейчас вы думаете о бегстве.

Он был прав: она дышала тяжело и часто.

– Просто все так странно... Я еще никогда не беседовала с джентльменом так, как сейчас, и в такое время ночи так близко.

Его глаза сузились, взгляд стал изучать и оценивать собеседницу.

– Это слишком интимно?

Бланш нервно засмеялась.

– Вы ведь знаете, что я очень строга в отношении приличий, – сказала она вслух, а мысленно закончила: «И чересчур стыдлива».

Он посмотрел на нее с любопытством:

– Почему же вы остались здесь? Почему не уехали вчера?

Бланш сделала глубокий вдох, чтобы прогнать начавшуюся дрожь. Любовная сцена в кабинете снова встала у нее перед глазами, и картина была уж очень яркой.

– Вы имеете полное право на... личную жизнь.

Оба долго молчали.

– Я снова только что нарушил ваше спокойствие?

Едва дыша и с трудом выговаривая слова, Бланш ответила:

– Мое спокойствие вчера улетучилось, и я не знаю, вернется ли оно когда-нибудь.

Рекс пристально смотрел на нее. Его взгляд надолго задержался на горле Бланш, на том месте, где было видно, как сильно и часто бьется ее пульс.

– В таком случае ваше умение притворяться достойно восхищения. Я снова огорчаю вас, а никогда не желал вас огорчить. Мне стыдно, что вы знаете правду обо мне.

Бланш вздрогнула и широко раскрыла глаза.

– Вы пили перед моим приходом, сэр Рекс?

Он широко улыбнулся:

– Я пьян в стельку.

Это объясняло его долгие жгучие взгляды и шокирующие признания. Сэр Рекс не желал ее – во всяком случае, не желал всерьез. Он был пьян в стельку. Но оставалось неясным, почему ему нужно пьянеть.

– Что такое? Я не слышу ни просьб уйти, ни упреков за злоупотребление вином? Ни явного пренебрежения, ни презрительных насмешек?

Бланш сложила руки перед грудью.

– Вы достаточно хорошо знакомы со мной, чтобы знать, что я не злая. А правда в том, что... – она помедлила, – вы имеете право на любовные увлечения. – Она почувствовала, что краснеет. – В отличие от других вы не обманываете жену.

Его глаза заблестели.

– Я не мог представить, что буду вести с вами такой разговор. И я имел в виду мое излишнее пристрастие к вину и виски.

Теперь она отвела глаза от его взгляда.

– Я хочу сказать... – она тяжело вздохнула, – что вы, конечно, можете сидеть без сна среди ночи и наслаждаться стаканом вина.

«Спроси его! Сделай это!» – мысленно крикнула она себе.

– Вы сказали не то, что думали. Значит, вы отказываетесь осуждать меня за мою связь. Это не любовная связь, и вы уже знаете это.

Его искренность так поразила Бланш, что она не знала, что сказать.

– У меня нет желания осуждать вас, – нервно шепнула она.

Наступила тишина.

Сэр Рекс долго смотрел на Бланш.

– Я ясно чувствую, что вы хотите что-то сказать. Или, может быть, вы желаете спросить меня о чем-то? – произнес он наконец.

О боже, какой он наблюдательный!

– Я задавала себе один вопрос, но, честно говоря, он, возможно, дерзкий, а я не хочу быть дерзкой. Я думаю, мне надо вернуться в мою комнату!

Но сэр Рекс не хотел, чтобы она уходила, и удержал, взяв за руку.

– Теперь мне стало любопытно. Можете без стеснения спросить у меня обо всем, что угодно, – тихо сказал он. – Приступайте! Сейчас полночь, мы одни и открываем друг другу наши самые интимные мысли и желания.

Бланш сопротивлялась, но он продолжал пристально смотреть на нее.

– Почему вы не женаты? – спросила она наконец.

Его глаза широко раскрылись.

– Вы это хотели у меня спросить?

Она просто кивнула.

Он бросил взгляд в сторону, и его длинные черные ресницы отбросили тень на высокие скулы.

– Вы уже знаете ответ.

У Бланш перехватило дыхание. Она не знала ответ, совершенно не знала.

– Мужчины из рода де Варен женятся по любви. По крайней мере, так о них говорят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.